

30 Октября

№148 2019

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

СВОБОДА СОВЕСТИ В РОССИИ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ФИКЦИЮ ЗАЯВЛЕНИЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

6 февраля 2019 года суд Железнодорожного района города Орла приговорил гражданина Дании Денниса Кристенсена к шести годам колонии. Он осужден за то, что, «используя свой авторитет духовного лидера», обеспечивал работу религиозной организации «Свидетели Иеговы» в Орле.

Почти два года назад, 20 апреля 2017 года, Верховный суд России запретил «Свидетелей Иеговы» в России как экстремистскую организацию. Это позорное и антиправовое решение поставило Россию в ряд стран с самыми одиозными режимами. «Свидетелей Иеговы» жестоко преследовали в гитлеровской Германии. Во всех демократических странах «Свидетели Иеговы» действуют свободно. В результате решения Верховного суда сегодня в России уже арестованы десятки последователей этого учения, а теперь вынесен первый приговор к реальному лишению свободы.

Свобода совести, провозглашенная российской Конституцией, стала в нашей стране такой же фикцией, какой она была в СССР. Шесть лет, которые получил Кристенсен за осуществление конституционного права на свободу вероисповедания, вполне сопоставимы со сроками, которые «Свидетели Иеговы» получали при советской власти.

Абсурдна ситуация, когда «Свидетели Иеговы», осужденные при советской власти («Мемориалу» известны многие сотни таких разрушенных судеб), признают жертвами политических репрессий в соответствии с Федеральным Законом о реабилитации (1991 год) — и одновременно отправляют в тюрьмы нынешних последователей «Свидетелей Иеговы».

Этот приговор вновь подтверждает ущербность российского «анти-экстремистского» законодательства, позволяющего зачислить в экстремисты почти каждого.

Мы требуем отмены антиконституционного запрета «Свидетелей Иеговы».

Мы считаем Денниса Кристенсена и остальных арестованных последователей «Свидетелей Иеговы» узниками совести и требуем их немедленного освобождения.

Правление «Международного Мемориала»
8 февраля 2019 года

20 апреля 2017 года Верховный суд принял решение о ликвидации «Управленческого центра «Свидетелей Иеговы» в России» и признании его экстремистской организацией.

«30 октября» подробно писала об этом запрете в № 137.

«Свидетели Иеговы» не раз подтверждали силу своей веры и при худших испытаниях в нацистских и советских лагерях. Они были заперены в гитлеровской Германии и в СССР. Достаточно напомнить о массовом переселении последователей этой религии в 1951 году, когда за два дня тысячи семей были ли-

Окончание на с. 2

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Почему-то не хочется говорить: «Ну что же, возраст более чем преклонный; прожила наша Люда длинную, интересную, содержательную жизнь, сделала в этой жизни немало, в свой черед пришла смерть». Хотя — все правда: и возраст преклонный, и жизнь была интересной и содержательной, и действительно горы сворачивала. И, скорее всего, сама Людмила Михайловна что-нибудь в этом роде и произнесла бы, доведись ей выступать на своих похоронах.

Но — не поворачивается язык. Жаль не Людмилу Михайловну

ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА

8 декабря в Москве на 92-м году жизни скончалась Людмила Алексеева, старейшая российская правозащитница, глава Московской Хельсинкской Группы (МХГ) и литературный редактор «30 октября» с 2011 года.

Алексееву, жаль нас. Не потому только, что мы осиротели: это дело обычное, в свой час наши старшие уходят, и мы остаемся одни. Да, Людмила Михайловна, «баба Люда» (так она полюбила себя называть в последнее время), наша Людочка была для нас родным человеком — кому годами, кому десятилетиями, кому всю жизнь; и без нее действительно одиноко и невесело. Но не только поэтому нас жаль, а еще и по другой причине: ушел не просто замечательный человек, о котором, наверное, напишут книжку, а может, и не одну. Только что от нас ушла

память эпохи. Веселой, дерзкой, трудной эпохи интеллигентов-«шестидесятников», эпохи московских диссидентов. Мы еще не успели ее толком понять, — хотя кто, как не Людмила Алексеева, старался растолковать нам ее, эту эпоху, и в академической «Истории инакомыслия в СССР», и в мемуарном «Поколении оттепели», — а она уже ушла.

Придется разбираться самим. И с памятью о прошлом, и с сегодняшним временем, «в котором стоим».

Окончание на с. 2

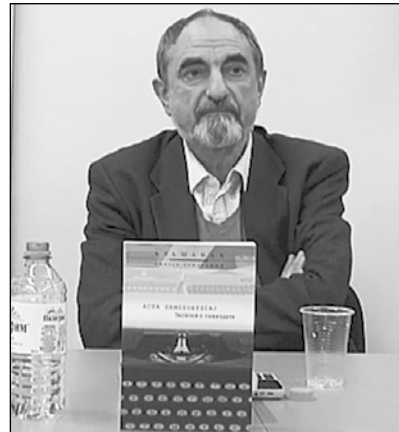
«АСТА SAMIZDATICA» — В ПАМЯТЬ ОБ АРСЕНИИ РОГИНСКОМ

В конце 2018 года вышел новый сборник «Acta samizdatica/Записки о самиздате». Презентация четвертого сборника, выпускаемого совместно «Международным Мемориалом» и Государственной публичной исторической библиотекой России, прошла 30 ноября на выставке-ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction № 20.

Сборник посвящен памяти скончавшегося в прошлом году председателя правления «Международного Мемориала» Арсения Рогинского. Презентацию открывал один из составителей сборника Борис Беленкин, член правления «Международного Мемориала». Присутствующие услышали последнее публичное выступление

Рогинского на проходившем в сентябре 2017 года «круглом столе», посвященном выходу книги о самиздатском сборнике «Память», в составлении которого он принимал активное участие (стенограмма «круглого стола» также опубликована в сборнике).

Окончание на с. 8

МАНДЕЛЬШТАМ НА ЛУБЯНКЕ

80 лет со дня гибели Осипа Мандельштама на лагерной пересылке во Владивостоке исполнилось в конце минувшего года, 27 декабря. Поэта арестовывали четыре раза. Дважды в 1920 году — в Феодосии — врангелевцы и в Батуме — грузинские меньшевики. В 1933 году Мандельштам написал стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...». И в мае 1934 года последовал третий арест. Четвертый, последний, — в 1938 году.

...Набор личных вещей, взятых Мандельштамом с собой в тюрьму, был немного странным: восемь воротничков, галстук, три пары запонок, мыльница, ремешок, щетка и семь разных книг.

Все это, а также паспорт и 30 рублей денег он сдал в тот же день под квитанцию дежурному приемного покоя во Внутреннем изоляторе ОГПУ на Лубянке, куда его и привез воронки.

Делу его присвоили тогда номер — № 4108!, после чего была сделана тюремная фотография, сняты отпечатки пальцев и заполнена «Анкета арестованного». Среди стандартных ответов на стандартные установочные

вопросы анкеты выделялся один — о состоянии здоровья: «Здоров: сердце несколько возбуждено и ослаблено».

Это возбуждение передает и фотография — совершенно исключительная уже по той позе, которую зафиксировал тюремный магний. Мандельштам, наверное, единственный, кто снялся в тюрьме так — по-наполеоновски скрестив руки! Сколько же в его взгляде и в этом жесте независимости и свободы, — то есть того, что тотчас же после фотосессии начнут усиленно отбивать и отбирать!..

Новичков помещали сначала в КПЗ — камеру предварительного заключения: сами заключенные

называли ее «собачником» или «пердильником». Это своего рода передержка, нужная для того, чтобы подобрать новичку постоянную камеру. В это же время производились и все рутинные технические процедуры, как то: фотографирование, снятие отпечатков пальцев, заполнение «Анкеты арестованного», измерение роста и изъятие таких орудий побега или самоубийства, как брючный ремень и шнурки ботинок.

В «пердильнике», как правило, уже находилось несколько человек, но сидение там было недолгим — обычно несколько часов, реже сутки или дольше. Среди тех, с кем столкнулся в «пердильнике» Мандельштам, был Серафим Мяздриков, родной брат Бориса Мяздрикова, случайная встреча с которым была еще впереди.

Бориса, арестованного 15 апреля 1934 года, то есть месяцем раньше, чем его брат и чем Осип Мандельштам, разместили поначалу в «изолятор особого заключения» или, попросту, в одиночку. Небольшая чистая камера (№ 113), окно с «намордником» — металли-

Окончание на с. 5

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Люди, которых принято называть «мемориальцами», встречаются все вместе раз в четыре года на Отчетно-перевыборной конференции. В конце ноября 2018 года в Подольске прошла очередная конференция и стало понятно, что этого времени для общения недостаточно.

Важны ведь не только «глобальные», но и локальные темы. И люди, которые делают рутинную работу. С какими вопросами или проблемами к ним обращаются, что стоит в повестке дня, какие отношения складываются с местными властями?

«30 октября» решила давать слово всем мемориальцам в новой рубрике «Прямая речь» — чтобы поделиться своими мнениями и быть услышанными.

Продолжение на с. 4

В НОМЕРЕ:

Нужно уметь договариваться, считает Ульяновский «Мемориал» с. 3

Новый сайт об истории возникновения «Мемориала» с. 6

Почему на Соловках есть растения из Алтая и Средней Азии с. 7

Истинный «нихотист» Юрий Айхенвальд с. 9

Поликаторжане и писатель — семья из Санкт-Петербурга с. 10

Дорогие читатели!

Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». С декабря 2015 года рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям Юрия Кочергина, председателя Хакасского «Мемориала», Геннадия Гончарова, председателя Новороссийского «Мемориала», и Светланы Колесниковой, председателя Хабаровского краевого движения «Мемориал».

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДУВ

ПАМЯТИ ДРУГА

ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА

➤ Окончание. Начало на с. 1

Что до нашей Люды, то есть ведь такая теория, что она сейчас с теми, кто ушел раньше нее. С любимым мужем — потрясающим Колей, Николаем Николаевичем Вильямсом. С сыном Сережей. С друзьями и подругами. С Наташей Садомской, Борей Шрагиным, Юликом Даниэлем, Юрой Гастевым. С Сашей Лавутом, Ларой Богораз, Таней Великановой, Аликом Гинзбургом и Аликом Вольпиным. С Толей Марченко и Толей Якобсоном. С Андреем Амальриком и Юрой Айхенвальдом. С Петром Григорьевичем, Андреем Дмитриевичем и Софьей Васильевной. И с нашим Сеней Рогинским. И со многими-многими друзьями.

Если и вправду так, то, наверное, они сейчас наперебой друг с другом разговаривают. Им есть о чем поговорить. Не будем им мешать.

Мемориальцы

ОНА НЕ СПРАШИВАЛА, А ПОМОГАЛА

Прощание с Людмилой Алексеевой проходило 11 декабря в Центральном доме журналиста. Гражданская панихида началась в 10.00, но очередь у рамок металлодетекторов образовалась задолго до траурного мероприятия: корреспондент «30 октября» прибыл к Домжуру в 9.00, а пройти в здание удалось лишь к 11.00.

Среди пришедших — журналисты, сотрудники правозащитных организаций, юристы и люди, на первый взгляд, далекие от деятельности Алексеевой.

«Я студентка юрфака МГУ. Никогда не встречалась с Людмилой Михайловной и не следила за ее деятельностью до поступления в университет. Сейчас подумываю написать кандидатскую на тему правозащитного движения в СССР — настолько меня захлестнула жизнь Алексеевой», — рассказала корреспонденту «30 октября» девушка по имени Галина. По словам студентки, тема защиты прав граждан в ее семье не поднимается, а родители скептически относятся к идее темы кандидатской. Впрочем, девушка не собирается бросать задуманное.

Рядом с Галиной стояла молодая мать с грудным ребенком в коляске.

«Когда-то я была на лекции Людмилы Михайловны, много, часто слушала ее по интернет-ТВ, радио. Алексеева — человек тяжелой судьбы, но проживший насыщенную, интересную жизнь. Это первопроходец советского диссидентства, правозащитник с большой буквы. Сегодня мы с сыном пришли отдать честь выдающейся женщине, прожившей освещаемый шоссе путь среди мрака СССР», — рассказала корреспонденту «30 октября» женщина, представившаяся Еленой.

Подходя к металлоискателям, очередь сужалась, людям стано-

вилось неудобно, полиция досконально досматривала каждого человека, требовала открывать женские сумки, рюкзаки, доставать аппаратуру, ноутбуки.

«Для вашей же безопасности», — коротко ответила на вопрос о полном просмотре корреспондента «30 октября» женщина-полицейский, рассматривая компьютер.

Еще один полицейский кордон был организован на входе в Домжур. Очереди тут не было, и посетители траурной церемонии проходили внутрь быстро. Здесь царил рабочая атмосфера; складывалось впечатление, что собрались коллеги для дискуссии на некую животрепещущую тему. Люди стояли кучками, громко разговаривали, беседовали о политике, экономике, правозащите. Словом, на панихиду это было совсем не похоже.

У входа в Домжур с коллегами беседовал журналист Виктор Шендерович. «Правозащитник должен вытаскивать из зубов крокодила человека. Если с крокодилом нужно разговаривать, [Алексеева] стала бы разговаривать. Она знала ходы к этому крокодилу, что заставит его расплакаться, что разожмет челюсти», — рассказал Шендерович.

Среди пришедших проститься с Алексеевой был оппозиционный политик, юрист Алексей Навальный вместе с женой. «Правозащитное движение в России осиротело. Я с трудом представляю, кто ее может заменить», — сказал журналистам Навальный.

Также попрощаться с правозащитницей пришли ее коллеги — бывшие уполномоченные по правам человека в России. Среди них — Владимир Лукин, Элла Памфилова. Пришла и действующая омбудсмен Татьяна Москалькова, которая в интервью журналистам назвала Алексееву «символом правозащиты».

В актовом зале Домжура пришедшие могли подойти к гробу и возложить цветы к ногам Алексеевой. На сцене сидели ближайшие соратники и сподвижники Алексеевой. В разное время рядом с гробом в почетном карауле стояли член Московской Хельсинкской Группы Валерий Боршев, профессор и заведующий кафедрой журналистики Института массмедиа РГГУ журналист Николай Сванидзе, председатель правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский, председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов и прочие. В изголовье висел большой портрет Людмилы Михайловны.

В какой-то момент в зале стало тихо. Активизировалась полиция, и в здание вошел президент Владимир Путин. Как выяснилось позже, чтобы глава государства смог беспрепятственно попасть в Домжур, ФСО очистила от людей центральный вход, отказав во входе нескольким сотням людей. Среди оставшихся стоять в очереди был политик

Григорий Явлинский, заявивший, что Путин приехал на прощание с Алексеевой «не искренне», а ради пиара.

Некоторые собеседники корреспондента «30 октября» указывали, что похороны Алексеевой проходят без исполнительного директора движения «За права человека» Льва Пономарева, близкого друга покойной. Напомним, Льва Пономарева, главу движения «За права человека» и члена Московской Хельсинкской Группы, арестовали 5 декабря на 25 суток за пост в «Фейсбуке» с призывом участвовать в несогласованной акции «За наших и ваших детей», но после реакции общественности срок был сокращен до 16 суток. 6 декабря «Международный Мемориал» выступил с заявлением, опубликованном на сайте memo.ru, о незаконности задержания правозащитника, а когда пришло известие о смерти Алексеевой, общественность и сам Пономарев обратились к суду с просьбой отпустить его из-под ареста для прощания с близким другом. Но нет, Льва Пономарева так и не отпустили на панихиду.

«Возмутительно, конечно. Смерть столь великого человека могла послужить поводом для освобождения политических заключенных, коих сегодня в России сотни. Власть могла бы сделать на этом многое, набить политический вес среди оппозиционно и либерально настроенных россиян», — поделилась мнением с корреспондентом «30 октября» журналист, попросившая не указывать имя и издание.

Аналогичного мнения придерживается бывший депутат Госдумы Дмитрий Гудков, заявивший журналистам, что задержание Пономарева является незаконным.

Среди пришедших был глава Ингушетии Юнус-бек Евкуров. Он быстро пробежал сквозь журналистов, сухо отозвавшись, что «не мог не приехать», так как Алексеева с уважением относилась к Кавказу. «30 октября» известно, что Евкуров бывал в гостях у Людмилы Михайловны и она обращалась к нему с просьбами о помощи жителям Ингушетии.

Своими воспоминаниями поделился с корреспондентом «30 октября» и член МХГ Валерий Боршев:

«Мы познакомились в 1970-х годах при создании МХГ. Тогда я участвовал в деятельности «Христианского комитета по защите прав верующих в СССР», который возглавлял Глеб Якунин. Между нами, рабочей группой по злоупотреблению психиатрией и организацией инвалидов было заключено соглашение с МХГ о том, что мы будем сообщать ей о нарушениях — каждый в своей области.

Наше направление было «востребованным» — в то время проходили сильные репрессии в отношении верующих. Так мы начали сотрудничество с Людмилой Михайловной. Правда, потом оно прервалось из-за эмиграции Алексеевой в США. Впрочем, после ее возвращения в 1993 году работа возобновилась. Стоит отметить, что эмиграция не сказалась на Алексеевой: она легко вошла в жизнь, верно оценивала проблемы и методы решения.

В 1989 году я вошел в состав МХГ, которую тогда возглавляла правозащитница Лариса Богораз. Наивысшей активности МХГ добилась именно тогда, когда ее возглавила Алексеева, придав организации новый импульс. Людмила Михайловна умела решать острые вопросы взаимодействия с властью, чтобы они не деформировали правозащитное движение. Она это делала, даже сидя рядом с президентом, администрация которого относилась к Алексеевой очень почтительно: она могла позвонить в приемную и в жесткой форме потребовать соблюдения прав того или иного человека. Алексеева умела вести сложную линию взаимодействия. Мы бы хотели продолжить эту деятельность.

У нас было много общих дел. Одно из главных — пикеты 31-го числа каждого месяца в защиту 31-й статьи Конституции. Это были сложные периоды, иногда полиция разгоняла демонстрации», — закончил Боршев.

Своими воспоминаниями об Алексеевой с корреспондентом «30 октября» поделилась глава Комитета «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина:

«Людмила Михайловна умела общаться с людьми так, что собеседник чувствовал неформальное, личное отношение. И эта близость возникала моментально. Я познакомилась с ней через своего коллегу, когда она вернулась из Америки, хотя о ней я

знала давно. Совершенно не ощущался ее возраст, она была бодрой, готова к работе. Потом, много позже, случился перелом — в определенный момент Людмила Михайловна просто постарела. Этот момент возникает всегда внезапно. Впрочем, даже после перелома шейки бедра, который она получила в аппарате уполномоченного по правам человека, Людмила Михайловна не опускала рук. Ее доставили в больницу, где врачи констатировали: из-за проблем с сердцем оперировать нельзя. На что она сказала: «А силу духа вы что, не оцениваете?».

Людмила Михайловна часто говорила мне: «Светлана Алексеевна, вы напоминаете меня в молодости». Я смеялась, потому что как же она могла быть в молодости такой, как я в 70 лет?! Это была душевная близость. Помню нашу поездку в Дрезден в 2005 году, когда Ангела Меркель только пришла к власти. Я не люблю слово «правозащитник»: кто и от кого защищает право?.. Отношение к человеку становится формальным. Людмила Михайловна была заступницей — это слово ее очень хорошо характеризует. Она была готова бросаться на помощь каждому человеку, который к ней обращался, не вычисляя затрат. Ведь многие сегодня задаются вопросом: почему мы должны вот этому человеку помогать, а не какому-то другому? Людмила Михайловна не спрашивала, а помогала. Ей было жалко человека. Далеко не все это принимали, указывая, что нужно исходить из соображений необходимости.

Алексеева имела удивительный авторитет. Конечно, имело вес то, что власти выбрали ее в качестве посредника для диалога с обществом. Выбор был очевиден, власти считали, что она служит им. Но она умудрялась выстроить отношение так, что власти служили ей. А она уже служила делу», — закончила Ганнушкина.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Людмила Алексеева.
Фото из архива НИПЦ «Мемориал»
и Анны Артемьевой / «Новая газета»

➤ Окончание. Начало на с. 1

СВОБОДА СОВЕСТИ В РОССИИ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ФИКЦИЮ ЗАЯВЛЕНИЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

шны жилища и имущества, погружены в товарные вагоны и вывезены в Сибирь и Казахстан. И были полностью восстановлены в правах сразу после падения тоталитарного режима. По действующему Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» «Свидетели Иеговы» признаны «жертвами произвола тоталитарного государства». Об этом говорилось ранее в коллективном заявлении представителей российских правозащитных организаций от 19 июня 2018 года с требованием прекратить преследование «Свидетелей Иеговы», освободить из-под стражи верующих,

обвиняемых по статье 282.2 УК (организация деятельности экстремистской организации или участие в ней), и отменить, используя имеющиеся процессуальные возможности, решение Верховного суда от 20 апреля 2017 года о ликвидации и запрете деятельности организаций «Свидетелей Иеговы».

Гражданина Дании Денниса Кристенсена приговорили к 6 годам лишения свободы за организацию деятельности экстремистской организации «Свидетели Иеговы».

Деннис Кристенсен участвовал в собраниях, где люди молились и изучали религиозную литературу. Его обвинили в том, что он согласовывал и координировал свои действия по руководству МРО «Свидетелей Иеговы» «Орел» с запрещенным «Управленческим центром «Свидетелей Иеговы» в России», получал от «Управленческого центра» религиозную литературу экстремистского содержания, а также бланки для оформления отказа от медицинского вмешательства,

распоряжался имуществом МРО «Свидетели Иеговы» «Орел».

По утверждению правозащитников и адвокатов, эта деятельность не была запретной: люди имеют право самостоятельно проводить богослужения и обсуждать религиозные вопросы, не состоя в какой-либо организации. На данный момент по этой статье возбуждено 50 уголовных дел против «Свидетелей Иеговы» в разных регионах, и приговор Кристенсену может привести к волне аналогичных

приговоров по делам других верующих.

По данным ПЦ «Мемориал», не менее 81 верующего «Свидетелей Иеговы» преследуется в уголовном порядке по ст. 282.2 УК РФ — «Организация деятельности религиозной организации, в отношении которой принято решение о ликвидации в связи с осуществлением экстремистской деятельности». Им грозит до 10 лет лишения свободы после того, как региональные организации и «Управленческий центр «Свидетелей Иеговы» в России» были запрещены и признаны экстремистскими.

НУЖНО УМЕТЬ ДОГОВАРИВАТЬСЯ

Так считает председатель Симбирского «Мемориала» Сергей Плясунов, который уверен, что нет неразрешимых задач, есть нежелание эти задачи решать.

Симбирский «Мемориал» молод, он был учрежден весной 2018 года. За неполный год он добился организации конкурса на проект памятника жертвам репрессий, обозначено место, где будет установлен памятник. Кроме этого, Симбирский «Мемориал» открыл постоянную выставку, посвященную жизни Андрея Сахарова в Ульяновске.

сий, с областными и городскими чиновниками, со студентами ульяновских вузов, с представителями общественных организаций.

— В результате встреч были найдены общие точки соприкосновения для совместных действий и определены основные направления сотрудничества на будущее, — рассказывает Сергей Плясунов. — И одно из первых совместных мероприятий — это открытие постоянно действующей выставки, посвященной Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Сергей сказал, что у него сложились нормальные, деловые отношения с мэром города Ульяновска Сергеем Панчиным.

— То, что в городе должен быть памятник «Жертвам политических репрессий», с этим глава города был согласен. Выбрали место, где будет установлен памятник — в сквере «Возрождение духовности» вблизи границ Спасо-Вознесенского кафедрального собора. Главой города уже подписано постановление об этом. Место очень красивое и тихое. Был объявлен местной администрацией вместе с «Мемориалом» конкурс среди скульпторов.

Скульптор Олег Ключев, один из тех, чья работа будет рассматриваться конкурсной комиссией.

— Я к теме репрессий отношусь больше как художник и с интересом принял участие в конкурсе. Художники в любое произведение вкладывают душу. А мне эта тема

с ними стало, — рассказал Олег Анатольевич.

— И знаете, ведь на этом аресте история не закончилась, — продолжил скульптор. — Мои родители как-то на железнодорожной станции в Нижнем Тагиле увидели, как к зарешеченному вагону вели нескольких арестованных, на всех были наручники. И моя мать среди них узнала следователя, который вел дело моего деда. Такие вот жизненные коллизии бывают.

С появлением в Ульяновске Симбирского «Мемориала» он обратился в «Мемориал», чтобы узнать судьбу своих репрессированных родных. Большую надежду на помощь местного «Мемориала» возлагает и председатель Церковно-исторического отдела и комиссии по канонизации святых Симбирской епархии иерей Алексей Шалахов. Он рассказал, что в Ульяновске есть несколько мест массовых захоронений расстрелянных жителей области.

— Мы точно знаем, где эти захоронения. Составлены списки расстрелянных, указаны их возраст и адреса, по которым они жили до ареста. Сейчас на местах захоронений — мусорные свалки. Мы считаем, что нужно огородить эти места и поставить надгробные знаки. Мы обращались в разные городские и областные организации с просьбой установить Камень скорби на местах погребений. До сих пор наши просьбы остаются без внимания. Сейчас, когда у нас в городе действует Симбирский «Мемориал», будем вместе с Сергеем Плясуновым добиваться установки этих знаков, — сказал Алексей Шалахов.

САХАРОВ В УЛЬЯНОВСКЕ

— Накануне вечером мне позвонила знакомая журналистка и попросила помочь молодому человеку из Ульяновска, председателю Симбирского «Мемориала», которого интересуют документы периода жизни Андрея Дмитриевича Сахарова в Ульяновске. Я об этом говорю коллегам, — рассказывает Тамара Ароновна Марголина, библиограф Архива Сахарова. — И слышу: «Я и есть тот самый молодой человек из Ульяновска». Оказывается, он уже давно сидит рядом, работает с документами. Так я познакомилась с Сергеем Плясуновым.

— Он поинтересовался, много ли писем приходило на имя Андрея Дмитриевича из Ульяновской области, когда он был депутатом Верховного Совета. «Хочется встретиться с этими людьми, узнать, что волновало их в те дни и что изменилось в их жизни за эти годы. Это интересно еще и потому, что Ульяновск долгое время находился в так называемой «красной зоне», — сказал он мне тогда. Постараюсь помочь Сергею, тем более что с подобной просьбой к нам обращались уже не однажды, — говорит Тамара Ароновна.

Это было не первый визит Сергея Плясунова в Архив Сахарова.

— Первый раз я пришел в архив осенью, чтобы посоветоваться с сотрудниками о проведении передвижной выставки о жизни Сахарова в Ульяновске, — говорит он.

— Из беседы Сергея с заведующей Архивом Бэлой Коваль стало понятно, что молодой человек хорошо знаком с биографией Андрея Дмитриевича. Он проявлял серьезный интерес к волнующему его вопросу. На вопрос Бэлы Хасановны, почему его особенно интересуют документы о жизни Сахарова в Ульяновске, Сергей сказал, что его, да и многих ульяновцев, интересует вообще жизнь

и деятельность Сахарова, а в частности именно его пребывание в Ульяновске, где он работал после окончания физического факультета МГУ, — вспоминает Тамара Ароновна Марголина.

— Встретили меня в Архиве Сахарова очень доброжелательно, но в разговоре я почувствовал, что меня проверяют: пришел я ради любопытства или же есть какой-то определенный план работы с архивными материалами. Я сказал, что хотим в Ульяновске провести выставку. Назвал конкретную дату презентации — конец октября, — вспоминает Сергей Плясунов свой визит.

Вот тогда-то у Сергея и родилась идея сделать в Ульяновске постоянную выставку «Андрей Дмитриевич Сахаров — Человек эпохи».

— Тогда, на первой выставке, мне было интересно наблюдать за посетителями. Потому что это было первое мероприятие такого рода, подготовленное Симбирским «Мемориалом» совместно с управлением культуры области. Все время, пока выставка находилась в Ульяновске, там всегда были люди. Интерес к выставке был большой, многие посетители впервые узнали о некоторых фактах из жизни великого ученого, а были и такие жители Ульяновска, которые не знали, что Андрей Дмитриевич начинал работать в их городе после окончания университета. Тогда мы решили такую выставку сделать в Ульяновске постоянной, но одного желания было мало. Я тогда даже не знал, что нужно предпринимать для этого, с чего начинать. В Сахаровском центре подсказали, как это можно сделать. Короче говоря, уже в декабре между руководством Сахаровского центра и администрацией Ульяновска был составлен договор о предоставлении права использования произведений.

Открытие выставки было приурочено к 76-й годовщине со дня образования Ульяновской области. 19 января этого года в ульяновском Дворце культуры имени 1 Мая состоялся вернисаж «Андрей Дмитриевич Сахаров — Человек эпохи». Выставку готовили Симбирский «Мемориал» совместно с управлением культуры и организации досуга населения администрации Ульяновска.

— Это была вторая презентация. В отличие от первой, передвижной выставки, которая состоялась 30 октября, эта была дополнена новыми, ранее неизвестными документами, к тому же — и это главное — с разрешения руководства Сахаровского центра выставка теперь будет постоянно находиться в нашем городе, — говорит Сергей Плясунов.

— На выставку я попала случайно. Меня пригласила сосед-

ка, которая работает в городском управлении культуры, — рассказала Лариса Швецова, жительница Ульяновска. — Это было действительно торжественное мероприятие, было видно, что все это готовилось и проводилось не для галочки в отчете. Было очень много людей разного возраста: ветераны войны, пенсионеры, студенты, школьники. Но мне было интересно, что я могу узнать нового о Сахарове, о жизни и деятельности которого много читала, смотрела хронику и документальные фильмы. Оказалось, что на 18 обширных стендах представлены ранее мне совершенно неизвестные фотографии, документы. К примеру, я не знала, что в Ульяновске родилась его первая дочка, что двое других детей от первого брака — в Москве, что первые научные работы были написаны Андреем Дмитриевичем в Ульяновске. Получается, что как ученый Андрей Дмитриевич стартовал в нашем городе. Нам есть чем гордиться.

Исполнительный директор Сахаровского центра Сергей Лукашевский сказал, что над выставкой вместе с ульяновцами работал и сотрудник центра, который выезжал туда в командировку.

— Нам кажется, что информация, которая представлена на стендах, будет полезна для области. И то, что Сахаров там работал, это, конечно же, интересно для жителей Ульяновска. Такой договор с администрацией города о постоянно действующей выставке у нас заключен впервые. Нам важно, чтобы из городов России к нам поступала инициатива такого рода сотрудничества, как это случилось с Ульяновском благодаря усилиям Симбирского «Мемориала». Это тем более знаково, что Ульяновск и сохраняет музей Ленина, и поддерживает память о Сахарове. Не в каждом городе свою научную деятельность начинал великий ученый и Нобелевский лауреат.

Сам же Сергей Плясунов, опираясь на опыт совместной работы при подготовке презентации выставки, считает, что сообща можно решить многие неразрешимые вопросы. Интересные идеи возникают совместно с региональной рабочей группой по увековечению памяти жертв репрессий, с министерством образования и науки Ульяновской области.

— Единомышленников можно найти везде, нужно просто уметь договариваться, — считает Сергей.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Сергей Плясунов, макет будущего памятника и выбор места в сквере «Возрождение духовности». Фото из архива Сергея Плясунова

В апреле 2018 года прошла презентация Ульяновского регионального отделения Международного историко-просветительского правозащитного общества «Мемориал» (Симбирский «Мемориал»), в которой приняли участие ученые, краеведы и чиновники Ульяновска. Прошли встречи с представителями духовенства различных конфес-

близка еще и потому, что в моей семье, как со стороны отца, так и со стороны матери, есть репрессированные. Деда по отцовской линии арестовали как участника группы заговорщиков. К нему в гости приехали родственники, и их всех забрали. Такая вот вражеская группа. С тех пор никто не знает, куда их отвезли и что

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» открыла новую рубрику для того, чтобы мемориальцы делились вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, изучение которых позволит не совершать аналогичные. Мы будем рады отклику и рассказам из всех регионов и от всех организаций, независимо от числа членов или времени существования.

НИКОЛАЙ КРЫНЦОВ,
председатель Ханасского
«Мемориала»

Наша организация «Мемориала» относительно небольшая — в общей сложности речь идет о нескольких десятках человек, занимающихся работой либо оказывающих помощь «Мемориалу». Собственно жертв репрессий в республике насчитывается несколько сотен, плюс несколько тысяч детей репрессированных родителей.

У «Мемориала» рабочие отношения с местными властями. «На митинге 30 октября обязательно присутствуют люди и от городской власти, и от региональной. И.о. губернатора Михаил Развожаев также присутствовал на митинге в этом году, хоть и не произносил речей. Они оказывают нам содействие в организации митинга, предоставляют транспорт для того, чтобы мы могли после митинга доставить репрессированных и их детей на поминальный обед, а потом оттуда домой. Кроме того, поскольку у организации пока нет своего офиса, власти выделяют «Мемориалу» те или иные помещения для проведения собраний.

Среди основных направлений работы нашего «Мемориала» — консультирование по вопросам, связанным с реабилитацией, проведение ежегодного митинга 30 октября (он проводится у единственного в республике памятника жертвам репрессий в Абакане, где выбиты имена почти 2000 из 60 000 жертв). Кроме того, в 2016 году предыдущий председатель «Мемориала» Юрий Кочергин снял документальный фильм «Дети «врагов народа», с историями детей репрессированных, который используется в просветительских целях.

Важно привлекать в организацию молодежь и работать с молодым поколением, чтобы оно не забывало о событиях прошлого. Причем эта работа должна вестись в форме, понятной молодым людям. В частности, на основе фильма «Дети «врагов народа» разрабатываем для показа в школах проект полудокументального-полухудожественного фильма, в оформлении которого будет использована анимация. Предположительно, в первом полугодии 2019 года появится его сценарий и будут поданы заявки на поиск финансирования — возможно, даже на президентский грант. Также предполагается продолжение публикации «Книга памяти жертв репрессий».

РОМАН ЛЁРЕК, председатель
Иркутского «Мемориала»

В настоящее время в Иркутском «Мемориале» фактически ведется лишь точечная, рутинная работа исторического плана.

До сих пор немало людей и из Иркутской области, да и со всей России присылают письма с просьбой помочь им разыскать родственников, которые были репрессированы в 1930-1950 годах.

Например, отправляли запрос по просьбе родственников о проживании человека в пригороде Иркутска Черенково. Он был репрессированным. Хотя адрес формально сохранился, но прежний дом давно уже снесен, на его месте построено другое здание. Куда переехали жильцы снесенного дома, неизвестно. И, увы, помочь в поисках человека мы пока не смогли.

Пожолая история у нас была и в городе Шелехове. Я сам оттуда родом, это в 20 километрах от Иркутска. Был запрос из Екатеринбурга по электронной почте. Человек просил разыскать маму одного из незаконно репрессированных. Но предоставленные данные были очень старыми — 1990 года.

Когда я приехал по адресу, то с трудом попал в подъезд, там дверь с кодом. Еще сложнее было дозвониться, достучаться до жильцов искомой квартиры. После того как открыли, выросла стена непонимания, хотя у меня были сведения, что там живет дочь репрессированного человека. Однако соседи подсказали, что она проживала там ранее, но уже давно переехала.

Таким образом, дважды пытались разыскать по запросу родственников незаконно репрессированных, правда, безрезультатно.

Конечно, есть другие многочисленные примеры, когда удавалось помочь найти данные о репрессированных, восстановить частично истории ареста и найти места заключения или захоронения.

Что касается мемориальной работы, то напомним, что в местечке Пивовариха, рядом с Иркутском, в лесу было место казни и захоронения жертв политических репрессий в 1930-е годы. По некоторым данным, там захоронено от 4 до 8 тысяч человек.

В этом месте был установлен мемориал жертвам репрессий. Отрадно, что и власть Иркутской области принимает участие в увековечении их памяти, в том числе поддерживает финансово. В прошлом году, в частности, при участии властей удалось благоустроить территорию комплекса. Конечно, имели место и частные пожертвования из России и из-за границы.

Что будем делать дальше? Постараемся найти больше времени, чтобы помочь в первую очередь людям, которые разыскивают своих близких — жертв незаконных репрессий.

ВАЛЕНТИНА ШАРИПОВА,
Тверской «Мемориал»

Приходится констатировать, что такой активности, которая была в начале работы «Мемориала», сейчас нет. Это не «веселые» 1990-е — начало 2000-х годов.

Отношения с властями у нас ровные. Нас особенно не давят, но при этом и не помогают, а кое-где и препятствия чинят.

В целом, если вспомнить «историческую» часть деятельности Тверского «Мемориала», то работа по увековечению памяти жертв репрессий была проведена в конце 1990-х. В 1997 году в Твери установлен памятник жертвам репрессий, издана «Книга памяти». Все это по инициативе общественности и силами властей.

В 2012 году Тверской «Мемориал» своими силами установил в Бежецком районе знак в память о заключенных Волголага. В 2018 году силами мемориальца Анатолия Серова памятный знак был приведен в порядок и обновлена табличка.

В свое время был создан мемориальный комплекс «Медное», в память о расстрелянных там между 1939 и 1941 годами польских солдатах и офицерах. Это аналог Катыни.

Недавно у «Медного» сменился коллектив, и теперь там не готовы работать совместно с «Мемориалом». Ранее мы ежегодно отмечали в начале сентября печальную дату расстрела. В прошлом, 2018 году мы впервые не смогли это сделать.

В то же время 30 октября, как и прежде, проводятся мероприятия памяти жертв политических репрессий. При этом проводятся они совместно с тверским областным департаментом культуры.

Хотя очень многое в политике и поменялось, но так как день 30 октября остается в официальном календаре, власти не могут его проигнорировать.

Есть некоторые самостоятельные задумки, однако пока об этом рано говорить, все на стадии предварительной работы. Пока наша основная историко-просветительская деятельность — это координация исторического конкурса для старшеклассников «Человек в истории. Россия, XX век».

Что касается моих личных усилий в этом направлении, то многое из них я публикую на моем сайте «Дни унижения и гнева» valentinasharipova.blogspot.com

ЕКАТЕРИНА ЯРАНЦЕВА,
Чувашский «Мемориал»

В последние годы мы активно общались со школами Чувашии по линии исторической работы «Мемориала». Больших семинаров с учителями провести не удалось, но индивидуальные встречи с педагогами по истории были. К тому же мы дважды — в декабре 2018 и январе 2019 года — собирались с учениками на игру «Мемо» в Чувашской государственной библиотеке.

Помимо этого, проводился конкурс среди учащихся «Человек и история». Школьные сочинения на тему исторических событий, в том числе истории репрессий, были сданы к январю 2019 года.

К сожалению, в республике стал угасать интерес к исторической памяти о репрессиях. 30 октября 2018 года на мероприятия в День памяти жертв политических репрессий пришло крайне мало людей.

Дело в том, что Ассоциация жертв политических репрессий после смены председателя практически прекратила свою деятельность и устранилась от проведения акций 30 октября.

Последний раз конференцию на историческую тематику мы проводили только в 2017 году. В ней принимали участие ученые и студенты, которые вели научную работу по истории политических репрессий. В первую очередь это два преподавателя Чувашского госуниверситета.

Таким образом, в плане индивидуальной работы и дискуссий деятельность велась, но в деле увековечения памяти жертв репрессий каких-либо новостей не было.

В целом власти равнодушны к нашей деятельности. Содействия с их стороны уже не приходится ожидать.

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВА,
Алтайский «Мемориал»

Изначально я, когда пришла в «Мемориал», собиралась заниматься проектом «Последний адрес», но меня стали уговаривать заняться и делами «Мемориала» в целом, и в начале этого года я возглавила «Мемориал».

«Мемориал» был зарегистрирован как организация репрессированных, и долгое время именно они составляли ее основу. В республике Алтай живет около 700 репрессированных, из них 200 — в самом Горно-Алтайске. Но сегодня часть прежних членов «Мемориала» скончались, другим (людям уже достаточно пожилого возраста) здоровье не позволяет сколько-нибудь далеко передвигаться. В итоге очень долго не удавалось собрать собрание. Сейчас у нас порядка 30 активистов.

Одной из моих основных задач как председателя «Мемориала» в Бийске я считаю привлечение молодежи. К сожалению, некоторые молодые люди отказываются от участия — из-за страха перед возможными новыми репрессиями. Другая важная проблема — увековечение памяти жертв репрессий. В настоящее время известно три места массовых расстрелов в Горно-Алтайске и его окрестностях — стадион Динамо у горы Тугая, у бывшей гардинно-тюлевой фабрики — «На Гардинке», как у нас говорят — и в поселке Кызыл-Озек. Памятник стоит только «На Гардинке». Я пытаюсь до-

говориться с нашими властями о том, чтобы «Мемориалу» дали возможность сделать памятник у горы Тугая, поскольку у властей, по их словам, нет денег на создание памятника расстрелянным. Пока они мне отвечают в таком духе — уже есть памятник «На Гардинке», зачем, мол, нам еще один? Либо говорят, что будут обдумывать наши предложения. Я регулярно прошу у чиновников и лидеров республике, чтобы была проведена реставрация имеющегося памятника и у него появилась бы стела или стена с именами погибших, а также названиями городов и селений, откуда они родом. Я их спрашиваю: «Почему вы боитесь писать эти имена?». Не отвечают, хотя один чиновник в частной беседе открыто признался, что и сам хотел бы, чтобы памятник был «очеловечен». Кроме того, мы предлагаем включить в туристические маршруты и частных, и государственных турбюро несколько мест, связанных с репрессиями. Прежде всего речь идет о горе Тугая и о первом на Алтае цепном мосте через реку Катунь у деревни Инь, который строили заключенные.

Среди других наших проектов — просветительская работа. За последний год у меня было четыре передачи на радио. Я выступала на выставке, посвященной Марине Цветаевой (я много лет изучала ее творчество), говорила о том, как по ее семье катком прошли репрессии. Также мы занимаемся организацией выставки, состоящей из книг, которые нам подарила Мариэтта Чудакова. Кроме того, мы участвовали в подготовке сборника архивных документов и материалов «Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.)», изданного в прошлом году Издательским домом «Алтын-Туу» совместно с НИИ алтаистики имени С.С.Суразакова. При его подготовке были использованы Книги памяти Алтая и архивные данные «Мемориала».

Среди наших планов на будущее — поиск сведений о казаках, которые целыми семьями пытались бежать в Китай по Чуйскому тракту. Может быть, даже получится провести конференцию, посвященную этому тракту. Есть еще одна идея, скорее, даже не идея, а моя мечта. В свое время Александр Солженицын заметил, что хотел бы поселиться в домике на Алтае, который он воспринимал как синоним свободы. Поскольку он не успел посетить наш край, то мы хотели бы сделать такую мемориальную избу с музеем и мемориалом. Я надеюсь, что смогу увидеть Наталью Дмитриевну Солженицыну на книжной ярмарке Non/fiction и обсудить с ней этот проект.

Отношения с властями, можно сказать, неопределенные. Нынешний глава республики Александр Берников в конце 1990-х, когда мой муж Валерий Чичинов был республиканским министром культуры, руководил милицией региона. Но, к сожалению, завязывать прочные контакты с властью у меня не получается. С другой стороны, в память о муже они относятся ко мне с определенным уважением. К примеру, я ходила на прием к мэру Горно-Алтайска. Он ничем не смог помочь мне с выделением участка под памятник у горы Тугая, но разговаривал со мной вежливо. А когда мы проводили памятный митинг 30 октября, то власти как раз очень помогли нам — в частности, организовав поминальный обед для участников митинга в одном из самых престижных ресторанов города «Вернисаж» с концертом и обслуживанием по высшему разряду.

Семен ЧАРНЫЙ,
 Рустам ДЖАЛИЛОВ,
 корреспонденты интернет-издания
 «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
 специально для «30 октября»

МАНДЕЛЬШТАМ НА ЛУБЯНКЕ

➤ Окончание. Начало на с. 1

чекским кожухом, надетым снаружи на решетку и защищавшим от свежего воздуха и лицемерия пейзажа. Из мебели — стол, табуретка, кровать и параша в углу у входа.

Раз в день, в сопровождении конвоира, выводили на прогулку по прямоугольному периметру внутритюремного двора. Кормили скудно, невкусно, но не голодно. Многие даже сушили сухари для этапа. Зато в распоряжении — отличная тюремная библиотека.

В середине мая — после месяца одиночки — Борис Мяздрикова перевели этажом ниже, в другую, более просторную камеру. В ней стояли две койки; стало быть — на двоих.

А вот и сосед: «Загребел замок, и надзиратель впустил в камеру невысокого пожилого мужчину с большим узлом всякого рода носильного белья. Озираясь, он тревожно осмотрелся и положил свою ношу на свободную постель. Затем протянул мне руку и представился».

— Я Осип Мандельштам!

Я знал о существовании такого поэта, кое-что слышал об акмеистах, но, к стыду моему, с творчеством его совсем не был знаком.

Я назвал себя:

— Борис Васильевич Мяздриков.

Осип Эмильевич с недоверием посмотрел мне в глаза и даже как-то отпрянул от меня.

— Не может этого быть! Вы говорите неправду. Я только что сидел с Мяздриковым!

Мне стало ясно, что Серафим арестован и находится здесь в тюрьме — видимо, они встретились в предварительке, «пердильнике».

Я стал объяснять Осипу Эмильевичу, что это мой брат, но тот продолжал смотреть на меня с недоверием и нескрываемой неприязнью. Затем он стал говорить — говорил он быстро, какими-то отрывками, перескакивая от одной мысли к другой, он был очень возбужден и не мог держать себя в руках. Я не мог уследить за ходом его мыслей — да, сказать по правде, мне было не до него. Сознание того, что где-то здесь, совсем рядом находится Сефа, сосредоточило мои мысли на этом самом главном для меня факте.

Опять загребел замок, и меня повели на допрос.

По первым вопросам Евдокимова я понял, что да — я не ошибаюсь, Серафим здесь и уже был допрошен. Я не стал хитрить и, не желая играть в кошки-мышки, сразу сказал, что знаю об аресте Серафима.

— Откуда вы знаете об этом? — заинтересовался Евдокимов.

Я сказал, что меня перевели в другую камеру, и там я встретился с Мандельштамом.

— Как он ведет себя в камере?

Я ответил, что он сильно нервничает и не поверил в существование моего брата.

Когда я вернулся в камеру, Мандельштам тревожно смотрел на меня. Через некоторое время его вызвали на допрос.

Не помню, долго ли он был на допросе, но вернулся в камеру он в невменяемом состоянии — руки его тряслись, губы вздрагивали, глаза были совсем красными. Не отходя от двери, он устремил на меня воспаленный взгляд и бросил мне в лицо незаслуженное обидное обвинение.

— Я знаю, кто вы есть? Вы следователь!

Затем полился поток бессвязных фраз — он все возбуждался и возбуждался. Моя попытка прервать его, успокоить, что-то разъяснить ни к чему не привела — он стал метаться по камере, ломать себе пальцы; затем как-то сразу он ослабел, сел на койку и, не раздеваясь, прилег лицом к стене.

Дело шло к вечеру, на душе у меня было скверно. Я тоже лег и вскоре заснул.

Проснулся я оттого, что почувствовал, как чьи-то пальцы шупают мою шею. Около меня стоял Мандельштам, и его руки были протянуты ко мне. Я вскопчил и бросился к двери, на мои стук и крики отозвался надзиратель. Вызвали дежурного по корпусу — я весь дрожал от страха и стал просить, чтобы нас развели, — «я не хочу сидеть с сумасшедшим!»

Меня повели к начальнику тюрьмы. В кабинете, кроме него самого, находился следователь Подольский — он сидел в торце большого письменного стола. Мне предложили сесть.

— Что там у вас произошло? — спросил меня начальник тюрьмы.

Я рассказал все как было и опять повторил, что не хочу быть в одной камере с безумным.

Начальник тюрьмы вопросительно взглянул на Подольского, тот молча кивнул головой.

— Хорошо, — обратился ко мне начальник тюрьмы, — мы уважим вашу просьбу, переведем вас в другую камеру, — и добавил: — в общую!

Так я оказался в общей камере № 21, где пробыл еще почти полных два месяца.

Встреча с Мандельштамом произвела на меня тягостное впечатление. Я и теперь не могу понять, что это у него было, — острое нервное возбуждение или все-таки приступ безумия»².

Ошеломляет случайность встречи двух заключенных в тюрьме и запечатление ее одним из них на бумаге и попадание запечатленного даже не в печать, нет, а только в руки изумленного мандельштамоведа. Но вернемся к мандельштамоцентричному повествованию.

Осипа Мандельштама, арестованного в ночь с 16 на 17 мая, под утро привезли на Лубянку и, как и всех, поместили в «пердильник». Там он случайно встретился с Серафимом Мяздриковым, арестованным накануне — 15 мая (а скорее всего, утром 16 мая) 1934 года. И уже 18 мая — только что описанная встреча с его младшим братом Борисом в камере на двоих и первый допрос, после которого у Мандельштама возникла твердая уверенность, что Мяздриков — подсадная утка. Хотел ли Мандельштам его напугать — или задуть? — непонятно.

Но понятно, что Мандельштам на Лубянке в 1934 году находился в крайне нервном и возбужденном состоянии: отсюда и воспаленные глаза, и неудачная попытка перерезать себе вены, и возникшая в эти дни медицински классическая мания преследования.

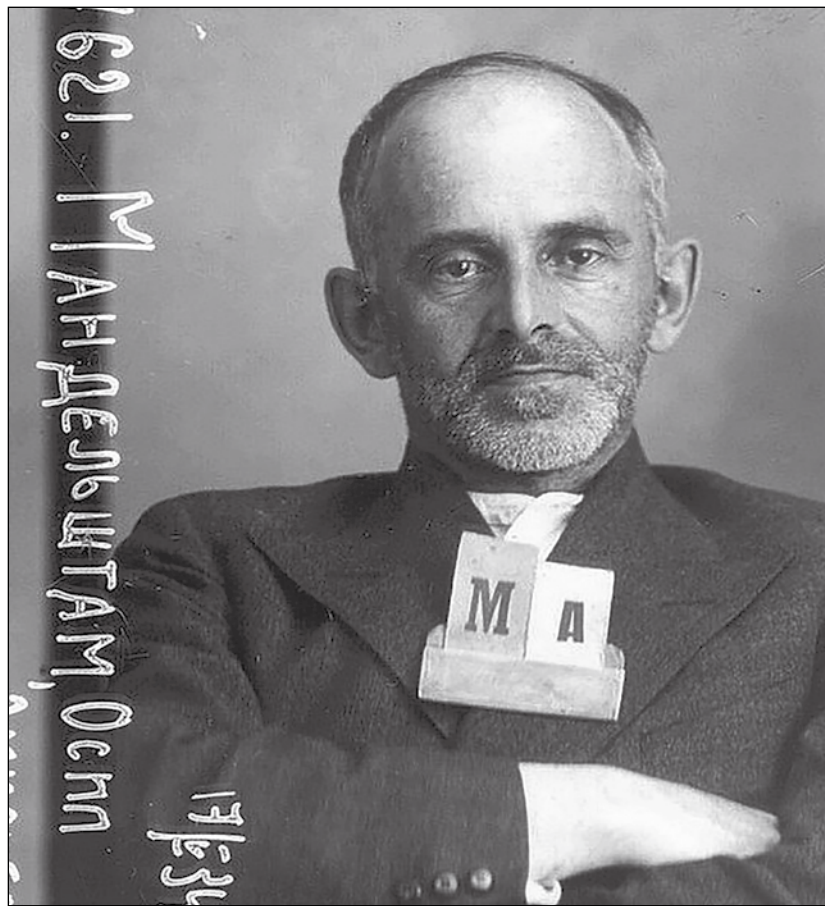
В тот же день, 18 мая, на допрос водили и Мандельштама.

Происходило это так. Надзиратель открывал дверь, а конвоир произносил примерно следующее: «На букву Эм! На допрос!» (или: «На букву Эм! На выход с вещами!»). Если эзков «на Эм» в общей камере больше одного, то все они называли фамилию, и конвоир забирал нужного.

При конвоировании брьюки приходилось поддерживать рукой — ремня не было. Конвоир шел сзади и стучал, предупреждая — во избежание встреч с другими конвоируемыми — о своем проходе. Если же встреча все-таки происходила, то одного арестанта ставили лицом к стене, пока не пройдет другой: смотреть друг на друга не разрешалось.

При переходе из внутренней тюрьмы в следственный корпус требовалось расписаться в большой книге, где стояли фамилия и часы начала и окончания допроса (чтобы ты не видел фамилий других, страница книги была закрыта тонким металлическим листом с прорезью, наведенной на «твою» строчку).

В 1934 году битье и пытки на допросе еще не стали системой, но «брать на пушку» и угрожать пристрастием, конечно, могли. В распоряжении следователя были агентурные донесения, показания уже допрошенных и улики, собранные во время ареста и обыска.

Обращаться к следователям полагалось не «товарищ», а «гражданин» — «гражданин следователь».

Когда читаем протоколы допросов в следственных делах, надо понимать, что это продукт высокой степени переработки самого допроса — уже бензин, а не сырая нефть. Не беспристрастная стенограмма, не фиксация действительно спрощенного и отечественного, а многослойный художественный образ, уверенно приближающий следователя к искомому осужденному, а подследственного — к приговору.

Слой первый всегда составлялся самим следователем и от руки. Если арестованный все отрицал и заперся, уходил в несознанку, то такие допросы и вовсе игнорировались, протоколами не оформлялись. В следующий раз предъявлялись компрометирующие улики и признания третьих лиц, как можно более близких ему. После этого подследственный чаще всего размякал и начинал давать какие-то нейтральные показания, еще не признательные, но уже и не отказнические. В этот момент следователь давал ему бумагу и ручку и просил написать о своей «антисоветской деятельности» собственноручно. После чего, на основании этих его записей и первоначальных записей следователя, составлялся своего рода протопротокол — обобщенный протокол допроса. С ним работал, как правило, уже не сам следователь, а начальник повыше, ничего

по сути не менявший, но осуществлявший так называемую «литературную обработку» протоколов допроса³. И только после этого протокол допроса печатался на машинке и давался подследственному на подпись. Если он и теперь отказывался подписывать протокол, то ему предъявляли собственноручные показания, после чего он чаще всего протокол уже подписывал.

Тогда черновые материалы, как правило, уничтожались, а следователя, потирая руки, переходил к следующему, кульминационному этапу — составлению обвинительного заключения.

Павел НЕРЛЕП

1. Впоследствии к номеру следственного добавился номер соответственного архивного дела, каковое, в свою очередь, со временем тоже перенумеровывалось.

2. Леонид Видгоф. Мандельштам на Лубянке. Из воспоминаний Б.В.Мяздрикова // Знамя. 2018 г. № 5. С.114-115 (Источник: рукопись воспоминаний Б.В.Мяздрикова «Сызнаво живу». Казань, 1987 г., 774 с. машинописи. В архиве изд-ва «Новый хронограф»).

3. Свидетельство А.А.Гончукова, бывшего оперуполномоченного 2-го и 5-го отделений 4-го отдела УГБ УНКВД (А.Я.Разумов. Дела и допросы. 1. «Я закрывала дело Лившица»: допрос свидетеля Ахматовой» // «Я всем прощенье дарую...». Ахматовский сборник. Сост. Н.И.Крайнева. М.—СПб., 2006 г. С. 262—263). С фактом литобработки, собственно, и связано частое появление второй подписи под протоколами допросов. Ср.: «...существовал такой порядок, что если протокол подписывался двумя лицами, равными по занимаемой должности, то первая подпись была того работника, который проводил допрос и составлял протокол допроса, а второй работник, подписавший протокол, только присутствовал. При подписании протокола допроса арестованных в тех случаях, когда в допросах принимали участие старшие начальники, их подписи ставились первыми, а подпись работника, проводившего допрос, последней» (Там же).

На снимке: Фото из дела Осипа Мандельштама, 1934 г.

ЧЕТЫРЕ... НЕТ, ДВЕ ТАБЛИЧКИ

10 февраля в рамках проекта «Последний адрес» в Москве должны были быть установлены четыре таблички в память о членах и сотрудниках Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), расстрелянных в 1952 году по обвинению в «измене родине» по так называемому «делу Еврейского антифашистского комитета». Но — были установлены лишь две.

Участники существующего с 2014 года проекта «Последний адрес» занимаются увековечением памяти жертв репрессий советского режима. Они размещают на стенах домов памятные таблички, на которых общается, какие люди жили здесь перед своим последним арестом. Табличка представляет собой пластину из нержавеющей стали размером 11х19 сантиметров, на которую наносятся сведения о репрессированном человеке: его фамилия, имя и отчество, профессия, а также даты рождения, ареста, гибели и реабилитации. К концу 2018 года в Москве было установлено свыше 400 табличек (а всего по России — свыше 800). По словам участников проекта, установка табличек всегда совершается с согласия нынешних жильцов дома.

10 февраля памятные таблички должны были появиться на домах, где жили секретарь ЕАК поэт Ицик Фефер и сотрудники комитета — журналист и переводчик Леон Тальми, журналист Эли Ватенберг и переводчица Чайка (Хайка) Островская-Ватенберг. Это были совсем разные люди, и вместе их собрал только сталинский псевдосуд.

Ицик Фефер (1900—1952) был довольно известным поэтом-идишистом, литературным функционером, членом Президиума, а затем и ответственным секретарем ЕАК и... осведомителем НКВД-МГБ. Уроженец Российской империи Леон Тальми (Лейзер Тальминовицкий) (1893—1952), еврейский журналист и переводчик, много лет прожил в США, где, будучи приверженцем левых идей, активно агитировал за еврейскую земельческую колонизацию (в том числе — в будущей Еврейской автономной области), в начале 1930-х вернулся в СССР, работал переводчиком, трудился в Совинформбюро (созданном в 1941 году информационно-пропагандистском ведомстве, одной из задач которого было информационное обеспечение посольств и консульств СССР за рубежом, иностранных радиовещательных корпораций и радиостанций, телеграфных и газетных агентств,

Окончание на с. 11

На снимке: Установленные таблички. Формат табличек таков, что имена прочитать довольно сложно. Фото автора

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРЕДЫСТОРИЯ «МЕМОРИАЛА»

В начале года в Интернете появился новый сайт *prequel.memo.ru*, на котором излагается предыстория и ранняя история создания и развития общества «Мемориал» в период с 1987 по 1991 год, изложенная в нескольких десятках эпизодов и комментариев участников.

Как рассказала «30 октября» инициатор проекта, сотрудница «Мемориала» Екатерина Мельникова, вопрос о том, что необходимо написать историю создания «Мемориала», обсуждался давно, однако не могли найти правильную форму. Но когда она и ее соавторы по проекту — Екатерина Павленко и Маргарита Маслокова, также сотрудницы «Мемориала», решили сделать подобный проект, то их дистанцированность от событий тех лет, по ее словам, «позволила выработать правильный язык».

В качестве источников инициаторы проекта использовали прежде всего архивы, в том числе и архив «Мемориала» (здесь, по словам Екатерины Мельниковой, могло то, что у нее уже был проект, посвященный событиям времен перестройки, «так что некоторая база у нас все-таки была»), а также материалы устной истории — при подготовке проекта были опрошены десятки людей, как нынешних сотрудников «Мемориала», так и тех, кто участвовал в его создании, а в дальнейшем по тем или иным причинам отошел от дел. При этом интересно, что многие из участников создания «Мемориала» не рассматривали свою деятельность в нем как постоянную, предполагая быстро закончить этот проект и вернуться к своим основным делам. Завершение повествования 1991 годом Екатерина Мельникова объяснила тем, что именно тогда, после поездки в Нагорный Карабах, зародилось еще одно направление деятельности «Мемориала», постепенно приобретающее всю большую значимость, — правозащитное.

Участники основания «Мемориала» и герои некоторых эпизодов проекта, которых проинтервьюировал корреспондент «30 октября», поделились мнением о работе, проделанной Екатериной Мельниковой и ее соавторами.

Заведующий библиотекой «Международного Мемориала» Борис Беленкин подчеркнул, что проект «Приквел» «уникальный, это то, что должен был бы сделать «Мемориал» еще много лет назад, но сделали только сейчас».

По мнению председателя правления «Международного Мемориала» Яна Рачинского, хорошо, что подобный проект появился, поскольку создание «Мемориала» — «это уже не близкая история». «Хотелось бы поблагодарить молодых коллег, которые это все сделали», — сказал он.

Исполнительный директор «Международного Мемориала» Елена Жемкова отметила форму изложения, выбранную авторами проекта: «Перед теми, кто писал историю «Мемориала», стояла задача сделать так, чтобы она не была сухой, и они смогли справиться с этой задачей, выбрав форму эпизодов и сделав составной частью проекта живые истории людей. Найденная форма позволяет безболезненно добавлять к повествованию необходимое число эпизодов. «Есть еще очень много

Сеня <Рогинский> сразу же начал подходить ко всем и говорить: «Надо собирать материалы, надо писать карточки».

Надо писать карточки — это была его любимая фраза. С этого дня Рогинский с головой окунулся в Мемориал, а я сначала фрагментарно участвовал, но потом втянулся полностью.

Александр Даниэль

Я сидела рядом с Ковалёвым и Рогинским и понимала, что это совсем другая жизнь. Ковалёв сравнительно недавно вышел, Сеня Рогинский четыре года назад. Это было таким знаком, что начинается новая эпоха.

Ирина Щербаква

Случайно навсегда

Мемориал прибежал с подписными листами: «Вот, Мемориал собирает подписи...» Я говорю, ну листы подпишу, но затея, мне кажется, какая-то невятная. Я за то, чтобы поставить памятник, но... В общем, в 1987 году я туда не пошёл, поленился.

Никита Петров
Заместитель председателя Совета НИПЦ «Мемориал» с 1990 года

На сайт есть не только исторические документы и фотографии с комментариями моментов, когда они были сделаны. Здесь много высказываний и мнений участников событий. Большинство сегодняшних мемориальцев не предполагало, что их дальнейшая жизнь будет связана с новым движением. Некоторые относились к нему скептически, критикуя методы и подходы. И искали лучшие способы организовать. Но в одном, главным, сходились все — люди должны понимать свою историю.

В ноябре 1987 года активисты «Мемориала» начали собирать подписи на Арбате, Пушкинской площади и Тверской улице.

Как правило, трое агитировали и принимали подписи, а еще один или два человека наблюдали за милицией, чтобы в случае задержаний сразу же распространить новость и ехать вызволять друзей в отдел. Опасения были не напрасны: милиция практически сразу начала задерживать мемориальцев.

5 МАРТА

МИТИНГ ЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНУЮ ДЕСТАЛИНИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА!

НАЧАЛО В 12 час.

Адрес: ЦПК и О
им. Горького
Набережная
(у цирка Шапито)

«СТАЛИНИЗМУ — НЕТ!»

«ДЕМОКРАТИИ — ДА!»

«ЗА СОЗДАНИЕ ОСНОВ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА!»МИТИНГ РАЗРЕШЕН Октябрьским
райисполкомом

Общество «МЕМОРИАЛ»

Одной из ранних массовых акций, организованной обществом «Мемориал», стал митинг 5 марта 1989 года в Парке Горького. Демонстрация прошла под лозунгом «За последовательную десталинизацию Советского общества».

В 1988 году с 19 по 26 ноября в Доме культуры Московского электролампового завода (ДК МЭЛЗ) состоялось первое масштабное мероприятие, посвященное памяти жертв политического террора, — «Неделя совести».

историй и вопросов, которые надо осветить» — сказала она.

Впрочем, помимо хороших отзывов в словах интервьюируемых была и дружественная критика проекта. Так, Борис Беленкин обратил внимание на то, что для освещения тех или иных эпизодов использовались устные воспоминания, а значит, были неизбежны аберации памяти, небольшие ошибки, которые исправлялись на ходу.

Ян Рачинский подчеркнул: пока что проект — «это эскиз и пунктир, и нужно двигаться дальше и думать о его расширении».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

Скриншоты prequel.memo.ru
Фото из архива
НИПЦ «Мемориал»

СОЛОВЕЦКИЕ ТРАВЫ

В «Международном Мемориале» проходит выставка «Засушенному — верить». Экспозиция посвящена памяти узников Соловецкого лагеря, командированным на материк для работы на лесозаготовках. Экспозиция состоит из нескольких десятков гербариев трав, росших на местах работы заключенных и рядом с жилыми бараками.

Как указывают организаторы, уже после отмены системы ГУЛАГа ученым удалось обнаружить на лесозаготовках травы, которые растут совсем в иных местах, зачастую за несколько тысяч километров от Соловков. Как попали растения туда, где их никогда не было?

Ответом на вопрос занялась автор и куратор выставки, старший научный сотрудник выставочного отдела Государственного биологического музея имени К.А.Тимирязева Надежда Пантюлина, которая, помимо гербариев, несколько раз посещала Соловки и привезла много любопытных экспонатов, также представленных на выставке. Пантюлина каждую субботу лично проводит экскурсии по выставке, где 9 февраля побывал корреспондент «30 октября».

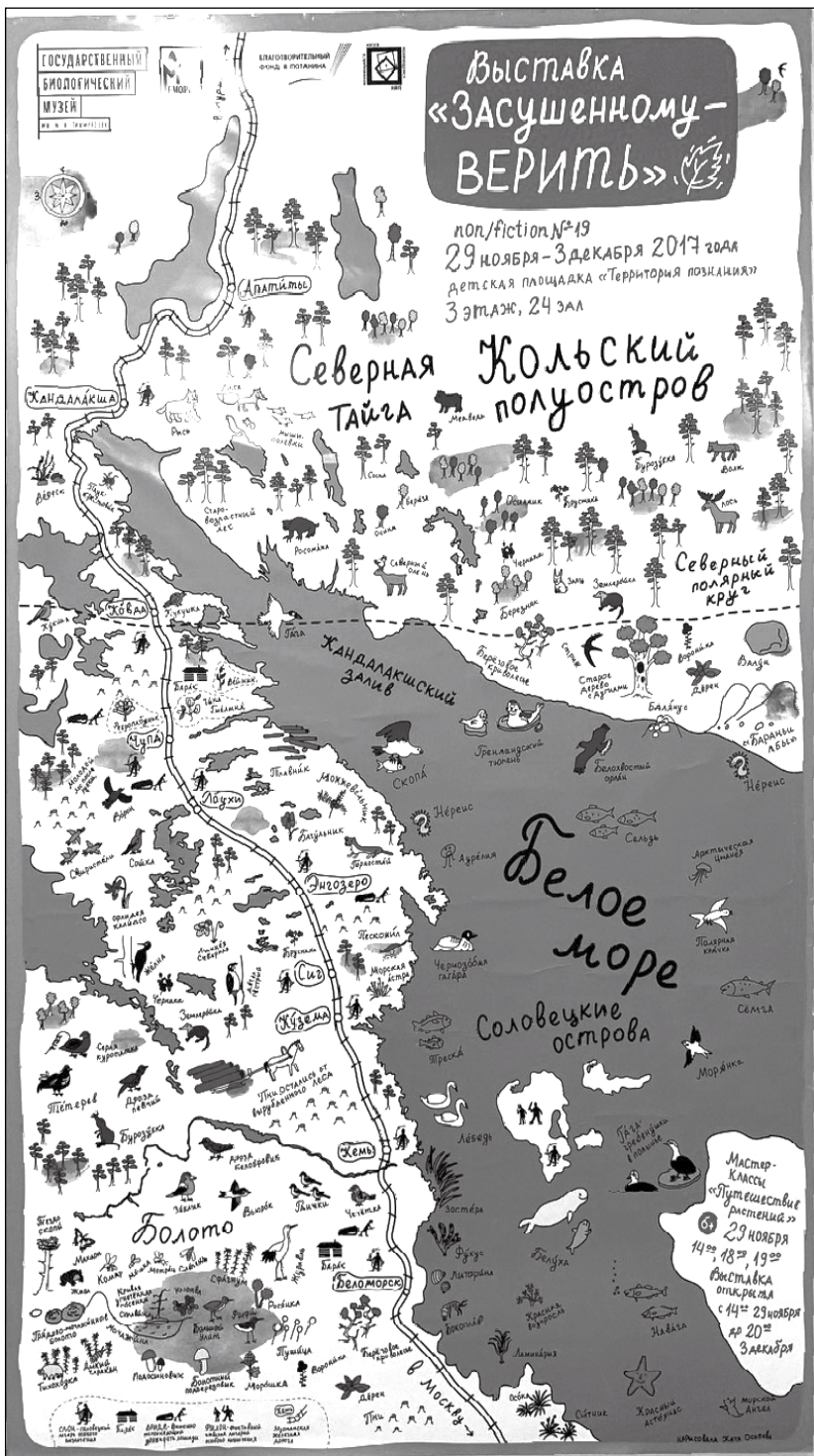
Выставка небольшая, камерная. Она занимает пять небольших залов на цокольном этаже «Международного Мемориала». Вместе с корреспондентом «30 октября» на экскурсии были еще 20 человек. По словам Пантюлиной, это обычный состав группы. В нее вошли самые разные люди. Студентка РГУ, которая, по собственному признанию, пришла по настоянию однокашников, уже посетивших выставку. Немолодая пара иностранцев. Пожилой мужчина с уже повзрослевшей внучкой. Мать с дочерью лет 10. Две подруги бальзаковского возраста.

При входе на выставку висит большая карта в детском стиле. Она была сделана год назад к книжной ярмарке Non/fiction и анонсировала нынешнюю выставку. На карте схематично изображены современные берега Белого моря, животные, леса, болота. А если приглядеться, можно распознать маленьких черных человечков. Кто-то обмотан колючей проволокой — это СЛОН, так обозначены месторасположения отделений Соловецкого лагеря особого назначения. А кто-то тащит большие санки — это ВРИДА, то есть «временно исполняющий должность лошади». Третий эскиз: мужчина угрожает другому каким-то крупным предметом; картинка подписана как ФИЛОН — «фигурный инвалид лагерей особого назначения».

«Так мы хотим показать, что среди прекрасного леса есть малозаметные следы заключенных», — прокомментировала карту Пантюлина.

Мы вошли в первый зал, и в глаза бросилась стойка с несколькими гербариями. Пантюлина особо обратила внимание, что на экскурсии речь пойдет не о Соловецком лагере, а о его «филиалах», расположенных на материке. Заключенные называли такую работу «СЛОН-командировками». Как заметила экскурсовод, эта тема мало освещается, несмотря на то, что лагеря занимали колоссальную площадь — от Мурманска до Соловков. Сюда ссылались люди «на загиб», то есть на явную гибель: Пантюлина напомнила: наивысшая концентрация заключенных советских лагерей была достигнута в 1929-1930 годах, в период, когда «было не принято расстреливать людей в большом количестве, за исключением государственных преступников» — к примеру, «белых». И если вставала необходимость избавиться от того или иного человека, то его направляли на самые тяжелые лагерные работы — на лесозаготовки близ Соловков. Здесь выжидали только самые выносливые эски.

Архивные документы не дают полной картины о числе работав-

ших здесь людей. Невозможно это определить и по остаткам лагерей, которые не окружались колючей проволокой, и поэтому неясно — какие точно они занимали площади, отметила Пантюлина.

Здесь есть только полуразваленные, истлевающие бараки, похожие на дома для ночевок лесорубов. Зато, изучив их и приложив к исследованию листы гербариев трав, росших неподалеку, можно установить, откуда свозили узников.

Так, в 1960 году на Беломорскую биологическую станцию приехал ботаник Московского университета Владимир Вехов и установил, что некоторые травы, найденные близ бараков, совсем не местные, а прорастают порой в

ных отсутствуют», — прокомментировала Пантюлина.

Среди документов — фотография с надписью «Не пойдём с работы на два человека!» (Орфография и пунктуация сохранены. — Примеч. «30 октября».) На самом деле, указала Пантюлина, плакат был вывешен не самими трудящимися, а надзирателями, которые банально не выпускали людей из леса до тех пор, пока не будет выполнен «урок» — дневная норма по заготовке леса.

«От бараков люди шли пешком. Сегодня нам кажется, что трудно идти по снегу по шиколотку. Заключенные же работали в условиях, когда снег был по пояс. По прибытии на место заключенные обязаны были первым делом построить избушку для охраны, затем бараки для себя», — прокомментировала Пантюлина.

Снимки пенных карельского леса, сделанные совсем недавно, подтверждают: люди работали в условиях толстого снежного покрова. Пенки представляют собой срубы деревьев с лишайником на шапках, такие части стволов называются исследователями «пивными кружками» — толстые пни с кучерявой головкой напоминают бокал с пенным напитком. Если приглядеться, то замечаешь, что срубы разного размера — часть пней заметно выше.

«Высокий пень — это свидетельство потери человеком сил. У заключенного не хватало энергии протоптать снег, и приходилось вставать на него», — отметила Пантюлина.

О состоянии работников говорит и качество спила дерева, продолжила экскурсовод. Например, если спил ровный, значит, прибыл новый человек, если же спил кривой, то очевидно, что его делал уставший и изнуренный заключенный.

Для улучшения качества работы заключенных карельское правительство привлекало финских лесорубов. По словам Пантюлиной, во время изучения фотоархива в Карелии ей бросилась в глаза колоссальная разница между отечественными трудягами и зарубежными наставниками.

«Финн — взрослый крепкий мужчина — всегда был одет в чистый теплый костюм. На поясе висели хитрые ножи самых разных конфигураций. Мужчина на поминал чудесного Деда Мороза. Заключенные же казались неумехами», — рассказала Пантюлина.

Добытый заключенными лес шел на отопление Москвы и Санкт-Петербурга, а также на продажу за рубеж, добавила экскурсовод. Судя по представленным фотографиям, объемы леса были колоссальными — снимок передает, что заготовки делались в промышленных масштабах.

В следующей аудитории представлена инсталляция — бык из сканов газет 1920-1930 годов, пестрящих советской пропагандой. Каждый заголовок — директивен, из него ясно, как читателю необходимо относиться к процессу, людям. Далее тема поднималась на производственных собраниях, на которых рабочие обязаны были специальным образом проголосовать, что впоследствии ложилось в основу газетных статей.

«Печаталось, что, например, колхозники считают нужным стереть с лица земли таких-то. Статьи запугивали людей, не позволяя думать иначе», — сказала Пантюлина.

В третьей аудитории посетителям открывается вид на инстал-

тысячах километрах от Соловков. Эти растения использовались заключенными в качестве сена для набивания тюфяков во время этапа — положив мягкий мешок в поезд при отбытии, человек хоть как-то скрашивал перевозку. Вместе с сеном везлись и семена растений, которые впоследствии прорастали в лагерях. Таким образом, Вехову удалось доказать, что на Соловки отправляли людей из самых дальних уголков страны — например, из Сибири или Дальнего Востока.

На гербарии — растение Чина Гмелина. Оно встречается на Южном и Среднем Урале, в Сибири, на Алтае, в Средней Азии и в Северо-Западном Китае. Очевидно, что на Соловки оно попало вместе с жителем тех мест, привезенным на лесоповал. А вот гербарий Клевера Спрыгина, прорастающего в Восточной Европе, Западной Сибири и Средней Азии. Здесь же Синюха голубая, распространенная преимущественно в Западной Сибири, на юго-западе Восточной Сибири и на Кавказе. Видим мы и Реброплодник уральский, чей ареал охватывает европейскую часть России, Сибирь и Монголию. Эти растения попали на Соловки вместе со строителями бараков.

На следующей витрине представлены документы о деятельности лагерей. В них, как особо указала Пантюлина, заключенных называют «рабсила», что современному человеку кажется жутким. Впрочем, в 1930-е годы аббревиатура никого не удивляла, это был хозяйственный термин.

«У лагеря был финансовый план, и его было необходимо выполнять. Отмечено, что отдел труда и учета плохо справлялся со своими задачами, и все подсчеты приблизительны. В документах, помимо прочего, содержится сообщение, что лагерь занимался отправкой непригодной рабсилы на материк. Доходяги, которые не могли выполнять норму, уезжали на лесозаготовки. Данные о числе отправлен-

Окончание на с. 8
На снимке: Вырезки газет 1920-1930-х годов, использованные в инсталляции «Бык». Карта лагерей на Соловках. Фото автора

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

«АСТА SAMIZDATICA» – В ПАМЯТЬ ОБ АРСЕНИИ РОГИНСКОМ

➤ Окончание. Начало на с. 1

Другой составитель сборника Елена Струкова, заведующая Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России, воздала должное участию диссидентского движения, филологу Габриэлю Суперфину, которого также можно считать одним из составителей сборника, но он, по ее словам, предпочел обойтись скромным «при участии». В этом выпуске «Аста samizdatica» появилась новая рубрика – пятый раздел «Что читать о самиздате», где публикуются рецензии и обзоры вышедших в 2013–2018 годах книг и статей о самиздате. «Нам ее не хватало», – отметила Струкова.

Заведующая музеем общества «Международный Мемориал» Ирина Галкова рассказала об опубликованном в этом выпуске сборника открытого обращения диссидента Петра Якира к писателю Варламу Шаламову. Якир попрекал Шаламова публикацией письма в официальной «Литературной газете», где писатель публично отмежевался от своих опубликованных на Западе «Колымских рассказов». Якир и люди его поколения рассматривали Шаламова не как человека, а как некий образ борца с режимом. «Письмо Шаламова в «Литературную газету» стало для них шоком, это был резкий контраст с уже сложившимся образом», – отметила Галкова.

Доцент факультета государственного управления МГУ Дмитрий Рублев рассказал об опубликованной в сборнике биографии диссидента-маоиста, сотрудника Института философии АН СССР Кима Давлетова. Биография была собрана им буквально по кусочкам. «Здесь можно увидеть, что

маоисты в СССР были не только в песнях Высоцкого, но были и реальные люди, которые писали листовки в поддержку Мао Цзэдуна и публицистические работы, передававшиеся за рубеж», – отметил он. Рублев также рассказал, что работы Давлетова, посвященные ситуации в брежневском СССР, до сих пор переиздаются на разных языках современными маоистами (правда, не указывая авторства), а одна из его работ входит в состав маоистской «классики».

Литературовед Михаил Шейнкер посвятил свое выступление ленинградской неформальной культуре и такой ее части, как премия Андрея Белого, ежегодно вручаемая начиная с 1978 года. «Эта премия, чье сорокалетие мы отметили в этом году, не была изолированным явлением. Вместе с ней и рядом с ней в рамках ленинградской неформальной культуры было создано множество культурных институций».

Об одной из подобных институций – творческом объединении ИСИ («Исследователи современного искусства»), созданном в 1986 году при Ленинградском отделении Советского фонда культуры, рассказал писатель Борис Останин.

ЧТО СОСТАВИТЕЛИ ВКЛЮЧИЛИ В НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Первый раздел сборника посвящен выходившему во второй половине 1970-х – начале 1980-х неподцензурному сборнику «Память», в состав редколлегии которого входил Арсений Рогинский.

Его открывает стенограмма «круглого стола», прошедшего в сентябре 2017 года в связи с выходом книги «Исторический сборник «Память». Исследования и материалы», ставшей, по выражению одного из ее

составителей Антона Свешникова, «жестом благодарности замечательным людям, которые, несмотря ни на что, в сложный период занимались настоящими историческими исследованиями».

На самом «круглом столе», который также стал местом последнего публичного выступления Рогинского, история «Памяти» раскрылась с нескольких неожиданных сторон. Так, участники мероприятия воздали должное людям, помогавшим членам редколлегии и до того оставшимся «в тени», а также опровергли стереотип о том, что «Память» была принципиально «не архивным» сборником материалов, объяснив, что архивные ссылки не указывались, чтобы не ставить под удар архивистов, через которых эти документы были получены. К стенограмме «круглого стола» примыкают еще два материала. Прежде всего, это статья Сергея Бондаренко, в которой отмечается, что создание «Памяти» во многом стало «ответом» с документами в руках версии истории XX века, предложенной Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Публикуемая в том же разделе обзорная рецензия «Памяти» Нины Перлиной, хорошо знавшей Рогинского, написана в 1982 году с целью привлечь внимание западного научного сообщества к судьбе редакции сборника. Она увязывает «Память» с традицией герценовской «Вольной русской прессы».

Второй, самый объемный раздел сборника открывается исследованием доцента Института истории и филологии РГГУ Ольги Розенблюм, посвященная проблеме возникновения одного из первых самиздатских документов – записи выступления Константина Паустовского на обсуждении романа Владимира Дудинцева «Не хле-

бом единым» в октябре 1956 года. На основе разбора различных версий текста и привлечения различных мемуарно-эпиграфических источников Розенблюм приходит к выводу, что автором этой записи была известная журналистка Фрида Вигдорова, ставшая фактически второй героиней всего сборника после Арсения Рогинского. Одновременно из исследования можно узнать о борьбе литературных групп в 1956 году, о стремлении защитников Дудинцева «ради пользы дела» затушевывать тот факт, что роман был слабым (о чем они сами хорошо знали), и о том, что авторы/редакторы самиздатских текстов убирали из них то, что считали «ненужным».

Профессор факультета русского языка и русской культуры французского Университета Ренна-2 Сесиль Вессье исследует вопрос о роли зарубежных русскоязычных издательств в публикации самиздатских произведений. Она отмечает, что для успеха издания было очень важно наличие связей в книгоиздательском мире и СМИ за пределами русской эмиграции. И именно наличие этих связей обеспечило в 1970-е расцвет наиболее известного из подобных издательств – Фонда Герцена. Однако расцвет нес в себе и семена упадка, поскольку, как показала та же Сесиль Вессье, к концу 1970-х западный читатель был буквально «перекормлен» и, по выражению одного из западных издателей, «не готов переживать этот ужас еще раз», после чего издание самиздата в основном осталось уделом людей идейных.

Директор исследовательской программы НИПЦ «Мемориал» «История инакомыслия в СССР» Геннадий Кузовкин и британская исследовательница Жозефина фон Цитцевитц публикуют результаты масштабного анкетирования читателей самиздата, которое позволяет внести уточнения в суть этого феномена. Так, согласно этому анкетированию, самиздат был в большей части литературным, а не политическим, его чтение часто проходило в группах, а ряд читателей одновременно становились и редакторами.

Статья иркутского журналиста Сергея Скращука посвящена достаточно необычной теме – экологическому самиздату конца 1980-х.

В подразделе «Религия» собраны работы, посвященные религиозному самиздату. Директор Государственной публичной исторической библиотеки Михаил Афанасьев рассматривает бытование православного самиздата, причём как «элитарного», так и «народного» (в первую очередь церковных

календарей). Стажер ГПИБ Ульяна Исаченко описывает новейший самиздат – коллекцию религиозных листовок, собранную сотрудницей ГПИБ Ниной Пашаевой. Обзорная статья сотрудника НИПЦ «Мемориал» и автора этой статьи посвящена кругу чтения религиозных евреев позднесоветского периода.

Героем третьего раздела сборника – «К постановке проблемы» – является Фрида Вигдорова и ее знаменитая запись суда над поэтом Иосифом Бродским. В разделе опубликовано обсуждение доклада Ольги Розенблюм «Записать суд над Бродским – как и для кого?», где отмечается, что Вигдорова изначально вела эту запись не для общественного распространения, а для того, чтобы приложить ее к своему ходатайству в «сферы», и мрачноватое аналитическое эссе юриста Правозащитного центра «Мемориал» Кирилла Коротева о сходстве судопроизводства по административным правонарушениям 1960-х и 2010-х.

Четвертый раздел – «Публикации» – начинается открытым письмом диссидента Петра Якира Варламу Шаламову.

Оригинал письма подготовлен к печати сотрудником «Международного Мемориала» Алексеем Макаровым и снабжен статьей заведующей музеем «Международного Мемориала» Ирины Галковой. Письмо Якира до настоящего момента не публиковалось, и было известно лишь его краткое изложение в «Хронике текущих событий». Галкова подчеркивает, что Шаламов был действительно раздражен тем, как публиковались на Западе его произведения.

В разделе также впервые публикуются три документа, которые должны были быть опубликованы в 59-м выпуске «Хроники текущих событий», арестованном ОГБ в 1981 году. Выпуск был обнаружен в 2015 году в следственном деле редактора этого номера «ХТС» Юрия Шихановича и в 2017 году возвращен дочери Шихановича – Екатерине, которая, в свою очередь, передала полученные материалы на постоянное хранение в архив «Международного Мемориала».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Ирина Галкова, Борис Беленкин и Елена Струкова на презентации альманаха. Скриншот видеозаписи из архива «Мемориала»

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

СОЛОВЕЦКИЕ

➤ Окончание. Начало на с. 7

ляцию из восьми железных стульев, освещенных тусклым ржавым светом старой лампы. На спинках стульев – 16 причин, по которым мог быть расстрелян советский гражданин. Идея инсталляции принадлежит самой Пантюлиной, а реализация – членам «Мемориала».

«Две-три-четыре статьи легко применимы сегодня», – прокомментировала идею инсталляции Пантюлина. В основном речь идет о политических противниках власти.

В следующем зале представлены фотографии барачков и сложен угол из бревен, два полена с Соловки, ложка, найденная близ лагеря, и заржавевшая кружка. Все это – предметы быта заключенного. Желаящий может пройти в угол и сесть в него – так авторы предлагают почувствовать себя уз-

ником ГУЛАГа. Сесть удобно не получается – мешает верхняя рейка. Спать можно, но некомфортно, так как нары узкие. По словам Пантюлиной, сохранились фотографии, двухкамерные бараки, чей размер составлял 9х23 метра, предназначались исключительно для сна, а помещалось в одном строении до 400 человек. Люди спали на голых нарах, без сена, в одежде. Выходя по нужде, чаще всего заключенный терял место, поэтому некоторые эски терпели часами. Люди страдали от платяных вшей, переносящих сыпной тиф.

Рядом со снимками стоит доска, сверху которой закреплен бейджик с вопросом: «Какие следы в нас, наших современных взаимоотношениях, нашем языке, внешнем виде могут быть следами лагеря?» Любопытный может прикрепить листок с ответом. Много оригинальных: атомизация общества, голос, неуважение к человеку, стыд, обы-

ТРАВЫ

денность, равнодушие и прочее. По признанию Пантюлиной, наиболее ярким ответом было слово «четкость».

В этой же аудитории Пантюлина повесила листок со списком уголовных жаргонных слов, которые были придуманы либо часто использовались на Соловках и которыми, сами того не зная, мы пользуемся в повседневной жизни. Среди них: «барахло» – имущество, домашние вещи; «клёвый» – хороший, красивый; «кореш» – товарищ по делу; «смыться» – скрыться, сбежать; «стучать» – доносить и прочее.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Ботаник Владимир Вехов провожает уезжающих с Беломорской биологической станции МГУ. Фото экспонатов выставки автора статьи.

В программу 20-й международной ярмарки интеллектуальной литературы «Non/fiction – 2018» была включена встреча, посвященная 90-летию Юрия Айхенвальда (1928–1993) и названная строкой из его стихотворения «По грани острой». Он был поэтом, переводчиком, учителем, политзаключенным времен сталинщины, автором Самиздата.

ИСТИННЫЙ «КИХОТИСТ» ЮРИЙ АЙХЕНВАЛЬД

Вечер 30 ноября открыл Александр Воропаев, заведующий отделом книжных выставок и пропаганды чтения Федерального агентства по делам печати. Среди выступавших были друзья и ученики Юрия Александровича: Тамара Марголина, научный сотрудник Архива Сахарова, ответственный редактор издательского отдела фонда Александра Меня Роза Адамянц, Ольга Казакевич, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики на одноименном факультете Института лингвистики РГГУ, заслуженный учитель России Элла Вайнерман, поэт и литературный критик Михаил Айзенберг, Елена Шмелёва, заместитель директора по научной работе Института русского языка РАН, журналист Юлия Рахаева.

Выступавшие рассказали о профессиональной, в первую очередь преподавательской, деятельности и неотделимой от нее истории московского дома Юрия Айхенвальда. Для обозначения роли этого дома в независимой интеллектуальной общественной жизни столицы подходит термин «московские кухни».

Одним из наиболее притягательных свойств личности Юрия Айхенвальда была способность оказывать на других возышающее, облагораживающее влияние, заражать своими идеями и видением мира. «Юрий Александрович отличался даже от своих ближайших друзей. Есть люди, невольно культивирующие в окружающих какие-то идеалистические убеждения. Именно невольно, не словами, а манерами, повадкой», — вспоминает Михаил Айзенберг.

Возможно, не последнюю роль в формировании этой удивительной способности сыграла необыкновенная чуткость Айхенвальда к собеседнику. Вот как об этом сказала Элла Вайнерман: «Он был бесстрашный, неутомимый собеседник, умел слышать доводы оппонента, чем необыкновенно к себе располагал, докапывался до самой сути».

ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ УРОКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Дочь Айхенвальда Александра и многие из его учеников связали свою жизнь со словесностью. Ольга Казакевич, знавшая Юрия Александровича со школьных лет, говорит: «Это правда было большое-большое счастье. Ты идешь в школу, у тебя литература, и ты идешь туда, чтобы быть счастливым. Ты знаешь наверняка, что так оно и будет. Вообще Юрий Александрович ужасно жи-

вой был человек, ему действительно все было интересно. Когда человеку интересно и он пытается тебя чему-то учить, то тебе тоже интересно становится, поэтому вся школа, старшие классы — это для меня было счастье уроков литературы». Казакевич подчеркнула, что «Юрий Александрович был совершенно не схематичен, он не делал схемы ни из жизни, ни из людей». Она рассказала, что отношения с бывшими учениками Айхенвальд поддерживал на протяжении всей жизни: «У Юрия Александровича было много друзей, и, наверное, половина из них были бывшими учениками, или друзьями бывших учеников, или детьми его учеников».

Вспоминает Элла Вайнерман, которая познакомилась с Юрием Айхенвальдом через его жену — Валерию Герлин: «Я не была его ученицей, но он был мужем моей школьной учительницы. Он учил и нас, и своих выпускников уважению к личности, нетерпимости к несправедливости. Советовал интересные книги. На кухне, особенно когда Сашку [дочь Айхенвальда. — Авт.] уложат спать, проходили горячие споры о добре и зле, о зигзагах истории России, об архитектуре, древнерусском искусстве».

Честность, доброта, искренность и внутренняя свобода — об этих качествах Юрия Александровича его друзья говорили не единожды.

Юлия Рахаева назвала главное, по ее мнению, свойство Айхенвальда: «Об этом два тома «Дон Кихот на русской почве» — всегда, при любых обстоятельствах, можно делать добро и можно стараться помочь отдельным людям, то есть распылять те самые капли добра, быть на высоте, быть свободным внутри себя. По-моему, Юрий Александрович весь был про это».

АЗАРТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ

Михаил Айзенберг отметил, что в интеллигентности Айхенвальда была своего рода азартность: «Такие понятия, как интеллигентность и порядочность, кажутся сейчас страшно потускневшими и обветшалыми от бесконечного звычания к ним. Но вот оказалось, что у них есть действительное значение, есть реальная и чистая форма. Порядочность может быть почти воинствующей, а интеллигентность — почти азартной. Азартность была у Юрия Александровича тоже какого-то таинственного происхождения и казалась продолжением стойкости. Он, в общем-то, лез в драку, но не из желания кого-то одолеть».

Качества, о которых говорили Михаил Айзенберг и Юлия Рахаева, видимо, предопределили появление книги «Дон Кихот на русской почве». Литературный герой соотнесен в этой работе с историческими событиями и свершениями известных личностей. «Он пишет, что Дон Кихот — это мысль христианского человечества о том, что не надо бояться быть битым, неловким, непрестижным и безрезультатным», — приводит размышления Айхенвальда Роза Адамянц. «Кихотическая доброта импульсивна, это детская доброта. И тут же он цитирует слова Христа: «Но сказано же: будьте как дети». Он говорит, что дон кихоты — это те, кого в России называли юродивыми и блаженными, это люди, над которыми смеялись, потешались, которые вели страннический образ жизни. Но они верили в высшую истину и за это терпели страдания в обычной жизни. Это и определяло их жизнь.» Мечта об абсолютном и победительном Добре, — пишет Юрий Александрович¹, — попытка отобрать у Бога Ему принадлежащее. Нельзя скопировать на земле в натуральную величину образы Божественной Любви и Справедливости. Абсолютное Добро нам не под силу. Нам под силу — да и по достоинству! — мятежная вера Иова». Одним из немногих истинных «кихотистов» назвал Айхенвальда заместитель директора Пушкинского дома Всеволод Багно. Его письмом было зачитано на вечере.

В книге «Дон Кихот на русской почве» нашла отражение любовь Айхенвальда к своей стране. «Юрий Александрович пишет о том, что русское самосознание вообще во всем историческом периоде как бы основывалось на двух философских ступенях — это всегда упование и уныние. Источником упования была русская культура, источником уныния — российская действительность», — сказала Тамара Марголина. «Это книга, которая сейчас должна быть очень востребована, потому что она очень точно говорит, насколько важно вот это сохранение тепла, добра как импульсивного свойства, которому очень сложно живется в социуме, но которое очень важно и плотно вошло в русскую культуру».

Юлия Рахаева запомнились размышления Юрия Айхенвальда о судьбах России и Европы: «В культурном пространстве Европы за Россией — немалая часть. В этом пространстве не может быть сквозных трещин. Что бы ни происходило между государствами или вну-

три стран, энергетическое поле этого пространства всегда будет давать людям возможность друг друга понять и друг другу помочь».

Это поле генерировал дом Айхенвальдов. «Мне кажется, что все люди, которые прошли через этот дом, очень много получили», — говорит Елена Шмелева, университетская подруга дочери поэта. «Все-таки получилось так, что жизнь этого дома, ее ток, тот ток, который несли Юрий Александрович и Валерия Михайловна, в какой-то степени остаются», — подтверждает эту мысль режиссер и музыкант Александр Гурьянов.

МЫ ВСЕ КУПАЛИСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО В КАКОЙ-ТО ЛЮБВИ

Основой основ той атмосферы, которая сложилась в квартире Айхенвальдов, наверное, можно считать счастливое супружество Юрия Александровича и Валерии Михайловны Герлин. «Знаете, их семья вообще была очень цельной. Это не была такая семья, знаете, как показывают в рекламах, где все улыбаются, все такие милые и никогда не спорят. И Юрий Александрович, и Валерия Михайловна были, вообще-то, резкие, могли сказать все, что они думают, но при этом мы все купались действительно в какой-то любви», — вспоминает Елена Шмелева. «Любви, которая не означает, что если ты поступаешь недостойно, то тебе про это не скажут и тебя все равно будут там облизывать или улыбаться», — продолжает она. В ее воспоминаниях Айхенвальд проступает и как ответственный отец. Например, он ждал дочь около университета во время ее вступительных экзаменов.

Дом Айхенвальдов был открытым — он принимал не только учеников Юрия Александровича и Валерии Михайловны. К кругу общения поэта принадлежал и Михаил Айзенберг. «С Юрием Александровичем я знаком не слишком близко, но зато очень давно, если я не ошибаюсь, с 1971 года. Практически одновременно я познакомился с двумя его ближайшими друзьями — Павлом Улитным и Александром Асарканом [оба бывшие узники Ленинградской тюремной психиатрической больницы, были там одновременно с Юрием Айхенвальдом. Улитин — прозаик, автор Самиздата, а Асаркан — театральный критик, в 1980 году эмигрировал в США. — Авт.]. Эти три человека в моем сознании неотде-

лимь друг от друга», — вспоминает он. «Для меня они — герои какого-то еще не написанного эпоса, и их героизм двойной: они справились с выпавшими испытаниями и сделали свой опыт явным и поучительным для остальных. Когда они сходились вместе ради обычных своих пикировок, тут же выяснялось, что они как раз ни в чем не сходятся. Вместе они делили, не пересекаясь, как бы весь интеллектуальный спектр. Но одно ощущение перекрывало все остальные. Это ощущение защищенности и комфорта — ты как за каменной стеной. Рядом с тобой взрослые люди, чей опыт настолько превосходит твой, что тебе еще целый век учиться, учиться, учиться. Век, к сожалению, оказался коротким», — рассказал Айзенберг.

Элла Вайнерман отметила: «Юрий Александрович так много знал в разных областях, что просто иногда даешься диву. Вот, например, захожу на кухню, а там сидят Слава Грабарь [Мстислав Грабарь — математик, сын художника И.Э.Грабаря. — Авт.] и Алик Вольпин [Александр Есенин-Вольпин — математик, философ, прозаик, поэт, сын Сергея Есенина. — Авт.] и спорят о математической логике, но самое главное, что Юрий Александрович тоже принимает в этом горячее участие, хотя Валерия Михайловна говорила, что он в математике был не силен. <...> Тем не менее, он доказательно вникал во все эти вопросы».

Эрудицией Айхенвальда восхищена и Юлия Рахаева, хотя она и была знакома с ним совсем недолго. Она вспомнила, как Юрий Айхенвальд помог ей во времена ее работы в «Московском комсомольце»: «Я совершила одну достаточно грубую ошибку, надо было из этого дела как-то вылезать. Никто об этой ошибке не знал, и если бы я промолчала, может быть, так это все шито-крыто и осталось бы, но я решила что-то сделать». Юлия Рахаева приписала антисемитское высказывание А.А.Столыпина его более известному брату — П.А.Столыпину, и один из друзей порекомендовал ей Айхенвальда как человека, который мог бы ей помочь выпутаться из этой ситуации. «И я пришла в этот совершенно потрясающий дом, я в таких домах до этого никогда не была. Дом, где из книг стояло абсолютно все, а что не из книг, то состояло из каких-то выписок, из каких-то склеек, из чего-то такого тоже книгоподобного, того, что можно было читать», — рассказывает она. Айхенвальд нашел элегантное решение проблемы. «Я говорю: Юрий Александрович, такая вот беда случилась. Он отвечает: «Ну, не беда это совершенно». Куда-то полез, что-то достал и доказал мне, что я не ошиблась. То есть это действительно сказал Александр Столыпин, но вполне мог сказать и его более умный брат Петр, который на самом деле придерживался таких же взглядов, но, поскольку был политическим деятелем, не позволял себе подобных высказываний».

РЕЗКИЕ СЛОВА, КЛОКОЧУЩИЕ РИТМЫ

С Александром Есениным-Вольпиным и Наумом Коржавиным Айхенвальд познакомился в литературном объединении при «Молодой гвардии», и они были вместе в ссылке в Караганде. По мнению Михаила Айзенберга, Айхенвальд, наряду с Есениным-Вольпиным, Берестовым и Коржавиным, входил в то поэтическое поколение, которое появилось после поколения военного и которое можно определить словом «отщепенцы». «Конечно, очень странно, что единичный слу-

1. «Дон Кихот на русской почве»: В 2 т., Нью-Йорк, 1982—1984.; переизд.: Москва; Минск, 1996.

Окончание на с. 11

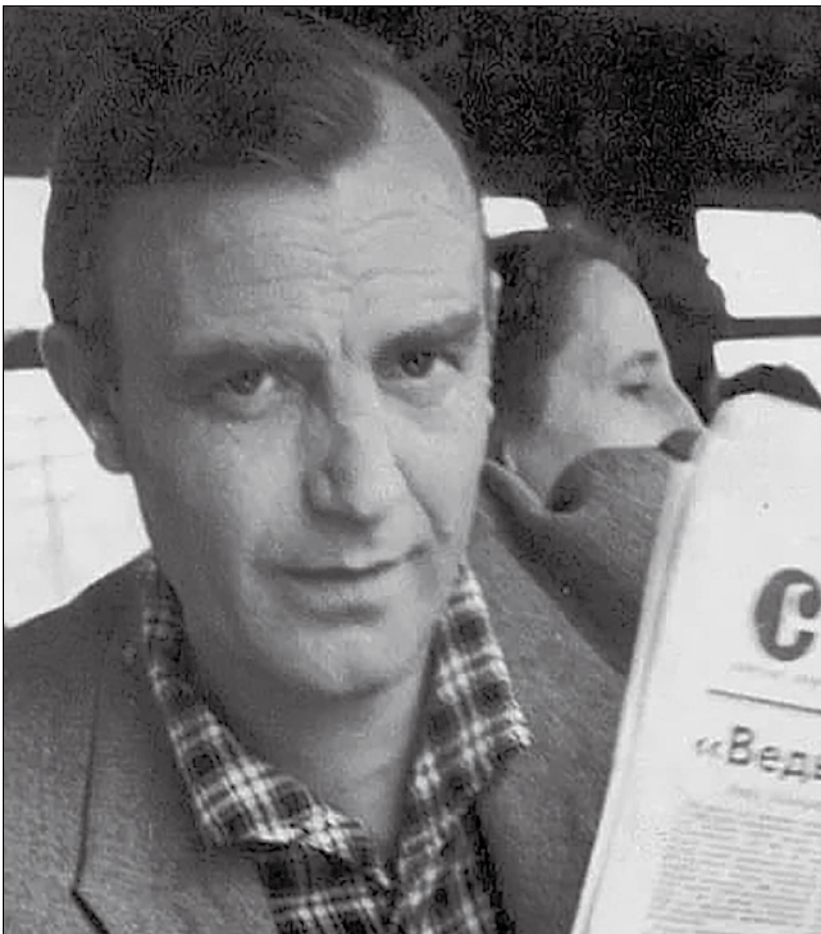
На снимках: Юрий Айхенвальд в молодости

Александр Воропаев, Тамара Марголина, и Элла Вайнерман на вечере памяти. Фото автора

ПИСАТЕЛЬ ВАДИМ ФРОЛОВ И ХУДОЖНИК ИВАН КАЛЮЖНЫЙ

Наше прошлое нередко таит в себе много неизвестного, глубоко упрятанного или же просто еще не познанного. Особенно это касается судеб людей, живших в эпоху потрясений. А что уж говорить, если это прошлое искажалось в угоду диктатору и его подбодрастному окружению, если жители нашей страны, задавленные страхом, элементарно боялись и своего прошлого, и своего настоящего, опасаясь не только друг друга — даже тени своей боялись.

Вот и приходится теперь, спустя годы и годы, мучительно выходить из этого незнания-неведения, со стыдом и болью открывая и узнавая судьбы тех, что некогда были, мыслили, действовали, сомневались и каялись, совершали непоправимые ошибки. И зачастую погибали в жестоких и неумолимых тисках своего времени.

...Редко кто из знакомых или друзей по писательскому цеху не приставал к Вадиму Фролову с одним и тем же:

— Напиши о Деме, в котором вырос... Расскажи о людях, которые там жили, и о их судьбах.

Фролов отделивался общими фразами, но иногда с горечью отвечал:

— Я мало что знаю, даже о собственной матери. А об отце — и вовсе ничего.

Так оно и было. Имя его родного отца Ивана Калюжного, политкаторжанка еще царского времени, Роза Исаковна Рабинович назвала подростку сыну почти перед самым своим арестом — в феврале 1938 года. Раньше она говорила, что отец его погиб на Гражданской войне еще до рождения сына и даже более того — не знал о его появлении на свет.

— Твой отец был эсером, противником власти большевиков и участвовал в крестьянских восстаниях, — говорила она. — Так что ты о нем лучше помалкивай.

С семи лет Вадим носил фамилию усыновившего его отца Григория Никитича Фролова, который тоже знал правду и даже был знаком с Калюжным в 1906 году. Но и отчим (бывший эсер и член Общества политкаторжан) тоже хранил тайну. А молчать они, бывшие подпольщики, умели...

Поэтому в многочисленных анкетах Вадим Фролов писал коротко: «Отец умер во время Гражданской войны». Он вообще не очень-то охотно рассказывал о себе и о своем прошлом. Когда я связала с ним свою женскую судьбу, то, разумеется, о многом узнала. Тем более что мы вместе часто бывали в доме бывших полит-

каторжан на Троицкой площади Санкт-Петербурга, где жили многие его друзья.

ССЫЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Судьба самого Вадима Фролова тоже была непростой и нелегкой. Когда в 1951 году было распределение на работу выпускников-журналистов филологического факультета ЛГУ, представитель ЦК КПСС заявил Фролову, что его как сына «врага народа» лишают права работать в советской печати и направляют учителем в школу. И это несмотря на то, что Вадим блестяще защитил дипломный проект и тогда уже занимался литературной и театральной критикой, а его рассказ занял первое место в университетском конкурсе.

Впрочем, педагогическая деятельность будущему писателю была по душе. А преподавал он вовсе не литературу и русский язык, а физику и математику, потому что до 1938 года учился на судоводителя в институте инженеров водного транспорта, а в ссылке поступил в Ижевский педагогический институт — заочно. Ребята своего учителя любили — он был добрым и справедливым, хоть и строгим: они даже прозвали его «Невидим Григорьевич» — за способность внезапно и неслышно появляться именно там, где совершалась драка или какое-то иное нарушение порядка. И еще помнили, как он однажды, потеряв терпение, схватил за шиворот одного из братьев Азиатцевых, отменных хулиганов и безобразников, проволоч его по коридору через всю школу, вытащил на крыльцо и швырнул в ближайший сугроб. Чем заслу-

жил у нарушителей дисциплины особое уважение.

К слову, в тюрьму Вадим Фролов попал за то, что не только отказался стать осведомителем местного НКВД, но еще и запустил чернильницей в голову гэбисту, предложившему ему это «занятие». А на стене той самой сельской школы, где 23-летний Фролов, отбывая ссылку, работал учителем, а затем завучем и даже директором, красуется теперь мемориальная доска. На ее открытие ездили в село Кигбаево оба его сына — старший Валерий (родившийся в ссылке) и младший Александр.

Когда с началом Великой Отечественной войны в село Кигбаево стали приходить «похоронки», а Фролов ходил по улицам молодой, здоровый и невредимый, он невольно ловил на себе тоскливые взгляды вдов и матерей, которые, правда, знали, что ссыльных, как «ненадежный элемент», на фронт не берут. Для Вадима это было непереносимо.

В 1943 году он все же вырвался на фронт благодаря дружбе с военным комиссаром города Сарапула майором Морозовым, который на свой страх и риск отправил ссыльного в действующую армию командиром зенитной батареи. Девушки-зенитчицы

политическим заключенным. Это была некогда известная «Карийская трагедия 1889 года». О ней рассказывал и стенд в музее Дома политкаторжан.

Будущего художника (родного отца Вадима) с двухмесячного возраста воспитывала его бабушка, мать Ивана Васильевича. В возрасте 19 лет отец Вадима тоже стал членом Партии эсеров. В 1905 году, будучи студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества, он участвовал в декабрьском вооруженном восстании, был арестован и выслан в Самару. А там он «держал» подпольную типографию, которая печатала запрещенную литературу, и еще занимался изготовлением фальшивых паспортов для подпольщиков, причем делал это виртуозно. В 1907 году он опять был схвачен охранкой, судим и после нескольких месяцев тюрьмы сослан под гласный надзор полиции на север Якутской области. Об этом говорят архивные документы Департамента полиции (ГАРФ — Москва и ГАНО — Архив Нижнего Новгорода).

В 1915 году в Баргузине Калюжный встретился с выпущенной на поселение после каторги Розой Рабинович. Они полюбили друг друга, и она стала

чен большевиками, привезен в Нижний Новгород и приговорен к расстрелу. Он так и не узнал о том, что 11 ноября того же 1918 года родился его сын Вадим: расставаясь с мужем, Роза не сказала ему, что ждет ребенка.

Как человек здравомыслящий, Роза пыталась доказать Ивану очевидный факт: основная народная масса идет за большевиками, свято веря их лживым обещаниям. «Надо дождаться, пока станет ясно, что это — пустая демагогия», — пыталась она убедить мужа. Но Калюжный не умел ждать и упрямо твердил свое. Они крупно поссорились. Иван обвинил жену в измене их общему делу и ушел, хлопнув дверью. А потом Роза увидела его фамилию в списке расстрелянных эсеров. Но... волею случая отец будущего писателя остался жив: его спасли сбежавшие вместе с ним конвоиры из мобилизованных крестьян. Ему удается добраться до Самары. Там члены разогнанного большевиками Учредительного собрания создали с помощью восставшего Чехословацкого Легиона демократическое правительство «КОМУЧ» и Народную армию.

27 сентября 1918 года в самарской газете «Земля и Воля» появилось такое короткое сообщение: «Вчера прибыл в Самару бежавший из Нижнего Новгорода председатель Нижегородского губернского комитета Партии социалистов-революционеров И.И.Калюжный. Он был приговорен советской властью к смертной казни и бежал из-под расстрела».

...Кроме архивных материалов, ставших доступными лишь в 1960-1970-х годах, мне помогло и то, что в целом ряде эсеровских газет периода Гражданской войны — в Самаре, в Уфе, в Екатеринбурге, во Владивостоке — встречались статьи, очерки, карикатуры, фельетоны и даже рассказы за подписью Калюжного или под его псевдонимом «Нави» («Иван», если прочесть наоборот). Во Владивостоке он задержался почти на полтора года: издавал и редактировал газету «Воля» и от партии эсеров даже был избран в Народное собрание. Его едкие и остроумные реплики «с места» помогали обнаруживать ложь и демагогию выступавших противников демократии.

Но ценные сведения обрываются августом 1921 года. Следы Калюжного теряются в неизвестности.

ЭМИГРАНТ

И тут совершенно неожиданно — в сборнике «Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918-1945 годах» — я нахожу сообщение о том, что с начала 1920-х годов и до самой смерти 30 мая 1934-го художник и журналист И.И.Калюжный жил вначале в Берлине, затем в Праге. То есть ему удалось эмигрировать. На мое письмо в Прагу внучке русского эмигранта Анастасии Копришиевой я получаю подробный ответ. В нем приведены строки из дневника народного эмигранта Егора Егоровича Лазарева, написанные сразу после скоростной смерти Калюжного: «Милый Иван

Окончание на с. 11 ➤

На снимках: Вадим Фролов. Фото из личного архива автора

«Вчера прибыл в Самару бежавший из Нижнего Новгорода председатель Нижегородского губернского комитета Партии социалистов-революционеров И.И.Калюжный. Он был приговорен советской властью к смертной казни и бежал из-под расстрела»

Газета «Земля и Воля» от 27 сентября 1918 года

его боготворили за человеческое к ним отношение, а однажды, когда при массированном налете вражеской авиации их командира взрывной волной швырнуло в глубокую воронку и засыпало до краев землей, они нашли его, откопали и этим спасли его жизнь...

Профессиональным писателем Вадим Фролов стал поздно, к 48 годам. Его художественные произведения издавались и переиздавались не только в родной стране, но и за рубежом: во всех англоязычных странах, (где его называли «русским Сэлинджером»), в большинстве европейских стран: в Испании, в Польше, Болгарии, Югославии и других. Несколько позже Фроловым заинтересовалась Япония, дважды издав его повести в Токио и в Иокогаме. Международная Ассоциация изучения проблем подростков присудила ему Почетный Диплом, о чем с гордостью сообщил журнал «Юность», где в 1965 году была опубликована первая повесть Фролова «Что к чему...».

Он умер в 5 октября 1994 года, так и не осуществив многие свои замыслы.

ХУДОЖНИК И ПОЛИТКАТОРЖАНКА

После смерти мужа я решила найти больше сведений о судьбе его родителей. Еще мальчиком он узнал, что его родной отец был из семьи народовольцев — Калюжного Ивана Васильевича и Надежды Семионовны Смирницкой, которые на каторге покончили жизнь самоубийством в знак протеста против применения телесных наказаний к

его женой. После Февральской революции они приезжают в Нижний. Иван Иванович входит в губернский комитет Партии эсеров, а вскоре и возглавляет его, одновременно являясь редактором газеты «Народ» и членом Совета Крестьянских депутатов. В июльские дни 1917 года он писал в газете «Народ» о пагубной политике большевиков с их ставкой на самые темные люмпенизированные массы, с поощрением аграрного террора и разорением не только помещичьих, но и крепких общинных и частных крестьянских хозяйств. Уже тогда он предвидел гибель русского крестьянства в случае победы партии Ленина, которая, пообещав закончить войну и дать народу землю, очень скоро явила миру свое истинное жестокое лицо.

Октябрьский переворот роковым образом разлучил Калюжного с женой. Ведь Иван Иванович был убежденным и последовательным сторонником демократического пути развития России. Он участвует в забастовках рабочих Сормовских заводов, организует протесты против роспуска городской Думы и расстрела ее главы Владимира Ганчеля, публично выступает против бессудных арестов и уничтожения законно избранных демократических учреждений.

В газете «Народ» он помещает язвительные карикатуры с хлесткими подписями. Когда в январе 1918 года газету закрыли, а партия эсеров была объявлена вне закона, Калюжный уходит в подполье, смело действует в восставших уездах Поволжья, снабжает крестьян оружием. Был схва-

➤ Окончание. Начало на с. 10

Иванович! Мир человеческий много потерял тем, что не использовал твоих замечательных талантов». А зимой 1934–35 года в библиотеке Художественно-промышленного музея в Праге была организована посмертная выставка работ Ивана Калюжного. Теперь его имя есть в обоих изданиях вышедшей в Петербурге книги «Художники русского зарубежья» (СПб., 1999 г.).

В день похорон в чешской газете «Народное освобождение» друг и соратник Калюжного И.А.Якушев, отметив, что паралич сердца застал художника за работой, добавил: «Свой русский народ и свою русскую землю он очень любил. Жаль, что Россия не смогла использовать способности и талант Калюжного и что этот человек должен был жить в изгнании».

Иван Калюжный рисовал не только карикатуры, живопись и графика привлекали его не меньше. В одном из номеров газеты «Дни» на странице, посвященной сорокалетию со дня смерти Н.М.Михайловского, помещен портрет с инициалами художника — «И.К.». К найденным живописным работам художника-эмигранта надо отнести и приобретенный у некоего коллекционера портрет Ф.М.Достоевского, который хранят сейчас в петербургском музее Достоевского.

Тоска по вынужденно оставленной родине приводит к тому, что Иван Иванович берется за сочинение и издание оригинальных и ярко им самим иллюстрированных детских сказок, навеянных русским фольклором: «Зайчик и Одуванчик», «Как Заяц был зубным врачом» и другие — всего 14 сказок. Переведенные на чешский язык, они дважды выходили в Праге — в 1923 и 1927 годах.

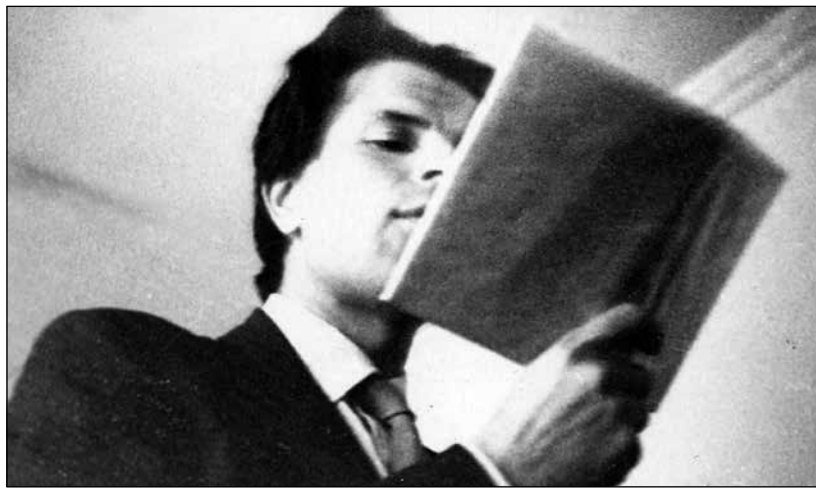
...В архиве Пражского Национального музея сохранились два письма художника премьер-министру Чехословакии Крамаржу, посвященные делам эмигрантского Общества помощи политическим заключенным в советских тюрьмах. Иван Иванович был активным членом этого Общества.

...Недавно рядом с памятником на могиле Вадима Фролова на Православном Волковом кладбище в Петербурге установлена небольшая черная мраморная доска — в память о его родителях, своих могилах не имеющих. Художник Иван Калюжный, умерший в Праге, был кремирован, а урна с его прахом захоронена в общей могиле на русском участке Ольшанского кладбища в Праге. Прах же расстрелянной в период сталинских репрессий бывшей царской политкаторжанки Розы Рабинович похоронен в одном из бесчисленных рвов печально известной Левашовской Пустоши под Петербургом... Вместе с тысячами безвинно убитых при советской власти.

Евгения АЛЕКСАНДРОВА,
вдова Вадима Фролова,
Санкт-Петербург

ИСТИННЫЙ «КИХОТИСТ»

ЮРИЙ АЙХЕНВАЛЬД

➤ Окончание. Начало на с. 9

чай может стать общим признаком поколения, но в момент общего онемения, оцепенения и открывшегося ужаса только у них нашлось что сказать. Нашлись какие-то резкие слова и упрямые, клокочущие ритмы», — развивает свою мысль Айзенберг, приводя в пример написанное в 1953 году в тюремной камере во время следствия в Караганде стихотворение Айхенвальда «Бык»:

*В безысходности — победа
Обреченных на закланье!
Белым дымом подымуся*

*Я до облаков.
Есть у Господа Иисуса
Царство для быков.*

Стихотворение цитировалось на вечере трижды: его же читали Тамара Марголина и ее студент Константин Лясников, который так обосновал свой выбор: «Я совершенно из другого поколения, я знаком только с Юрием Александровичем поэтом. Это стихотворение меня потрясло, потому что я нашел в нем два момента, которые если не перевернули, то начали переворачивать мое сознание. Я увидел неве-

роятную силу, я бы даже сказал мощь, а с другой стороны, особый признак настоящей силы — отсутствие гнева, отсутствие ненависти. Стойкость — да, твердость — твердость, но никакой ненависти. Обычно, когда мы говорим о силе, мы говорим о ней в сцепке с чем-то негативным. А тут нет, это светлая сила, это сила света, простите меня за эту некрасивую фразу.

Одним из самых лиричных моментов вечера стало чтение Марией Митрофановой «Поэмы о моей любви» Юрия Айхенвальда, где автор предстает совсем другим человеком: одиноким и неуверенным — «плывет-плывет кораблик мой бумажный», надмирным — «плывут внизу бумажные державы» — и романтичным до сентиментальности: «Живи! Наверное, приходит такая любовь однажды. Вся жизнь коротка для такой же второй любви».

«Мы были его друзьями, а он — праздником в нашей жизни», — сказала Элла Вайнерман. Вот почему память о Юрии Александровиче Айхенвальде жива.

Оксана КОТКИНА

На снимке: Фото из архива Ю.А.Айхенвальда, представленное на вечере.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ЧЕТЫРЕ... НЕТ, ДВЕ ТАБЛИЧКИ

➤ Окончание. Начало на с. 5

обществ друзей СССР, газет и журналов различных направлений).

Бывший австрийский, а затем американский левый сионист журналист Эли Ватенберг (1887–1952) работал в тех же просоветских еврейских организациях, что и Леон Тальми. Его жена, переводчица Чайка Островская-Ватенберг (1901–1952), уроженка Российской империи, переселилась в США и вышла там замуж. Они вернулись в 1933 году в СССР, а в 1940-х работали в ЕАК и Совинформбюро, а перед арестом трудились в издательстве «Иностранная литература».

Однако из четырех табличек по итогам были установлены лишь две. Установка первой из них, посвященной Феферу, по адресу Смоленский бульвар, 17, прошла абсолютно спокойно. Одна из жительниц дома даже похвалила участников проекта.

Зато уже на втором месте установки — дом 13 по Капельскому переулку — возникли проблемы. Церемония только началась, как проходивший мимо мужчина стал выражать шумное неодобрение происходящим. Он заявил, что не желает, «чтобы стена дома превращалась в кладбище». «А то это как когда кто-то разбивается на дороге, тут же прибегают родственники и ставят крест. Вы сейчас оставьте цветы, а кто убирать будет!» — возмутился он. После долгой и довольно напряженной дискуссии инициаторы проекта Сергей Пархоменко и Никита Соколов все же смогли успокоить любителя чистоты, и табличка с фамилией Тальми заняла подходящее ей место. В установке этих двух табличек принимали участие представители еврейских организаций — президент Российского еврейского конгресса Юрий Каннер (ранее он принимал участие в подобной же церемонии при открытии таблички с именем расстрелянного в 1938 году равви-

на Московской хоральной синагоги Шмарьяга-Лейба Меделье) и генеральный директор Фонда «Евро-Азиатский Еврейский Конгресс» в России Белла Вальдберг.

Попытка же установить памятные таблички Эли Ватенбергу и Чайке Островской-Ватенберг на доме 18/20, корпус 18 по Большой Почтовой улице окончилась неудачей. Едва представитель проекта Михаил Шейнкер начал рассказывать собравшимся биографию погибших, как в ситуацию вмешалась некая пожилая дама, которая представилась жительницей дома. Она безапелляционно заявила, что не допустит появления памятной таблички «в честь человека, который травил детей». «Она вместе с еще одной американкой ходили по дому и травили детей. Я чудом выжила, а мальчик, мой одноклассник, умер. У меня есть фотография с надписями об этом!» — практически кричала женщина, воспроизводя антисемитское клише о «евреях-отравителях». О его «достоверности» говорит тот факт, что пожилая дама, как она сама сообщила, родилась через год (!) после того, как супруги Ватенберг были арестованы, и потому никак не могла с ними соприкоснуться. «В чужой дом лезть, а в наш не лезть. Я не разрешаю, и мы все не разрешаем. Если вы повесите — я сама сорву!» — заключила она. В дальнейшем к даме присоединились двое мужчин, которые заявили, что они против таблички, хотя и по иной причине: «Дом старый, его сносить пора. А с этой табличкой его переведут в статус охраняемых и вообще не снесут!» В итоге представители «Последнего адреса» приняли решение отказаться от установки табличек и, возможно, вернуться к этому вопросу позже.

В интервью «30 октября» Сергей Пархоменко предположил, что на Большой Почтовой участниках проекта столкнулись с «не совсем здо-

ровым человеком», и сообщил, что происшествие подобного рода — очень большая редкость в истории «Последнего адреса». «На моей памяти это третий подобный случай за все время работы проекта. До этого было по одному случаю в Москве и Петербурге», — отметил он. Причем петербургская история тоже носила достаточно ксенофобский характер. «Там жильцы дома кривились от того, что им придется соседствовать с табличкой об ассирийце — чистильщике обуви. Пришлось объяснять им неправомерность их мировоззрения», — сказал Пархоменко. По его словам, в каждом случае установки таблички у проекта «всегда есть подписанная бумага, которую подписывает глава сообщества жильцов», а сами эти люди чаще всего присутствуют на церемониях. Сотрудник проекта «Последний адрес» Ирина Стырикович, координировавшая установку табличек, также отметила, что ситуация этого дня была «нетипичной» для проекта. «Это был один из самых трудных дней в нашей работе», — отметила она.

Вероятно, погасить оба неприятных инцидента в самом начале помогло бы присутствие председателя ТСЖ или старшего по дому. Такая практика может защитить таблички от потенциального снятия как «незаконных».

Говоря о дальнейших действиях «Последнего адреса», Сергей Пархоменко заверил «30 октября», что таблички обязательно будут помещены на стену дома, но позже, когда ситуация будет урегулирована.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Никита Соколов привинчивает табличку. В центре — дама, помешавшая повесить знак на Большой Почтовой улице. Фото автора

ФЕВРАЛЬСКИЕ И МАРТОВСКИЕ ХРОНИКИ

1919. 17 февраля

Декрет ВЦИК РСФСР «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» подтвердил право ВЧК на «непосредственную расправу», то есть расстрел без приговора суда в местностях, объявленных на военном положении. С этого времени органы ВЧК не только проводили следствие, но и выносили и исполняли приговоры, заменяя собой следственные и судебные органы.

1929. 19 февраля

Первый арест Варлама Шаламова, в будущем летописца Колымы, а тогда — московского студента, участника троцкистской оппозиции, члены которой в типографии МГУ печатали подпольную агитационную литературу, в том числе письма Троцкого и «завещание Ленина». Во внесудебном порядке как «социально опасный элемент» был осужден на 3 года лагерей.

1934. 13 февраля

Гибель в Чукотском море парохода «Челюскин», на борту которого находилась научная экспедиция, осваивавшая Северный морской путь. Начало операции по спасению экипажа и членов экспедиции, высадившихся на льдину, и идеологической кампании вокруг нее. Советская пропагандистская машина превратила головопьянство чиновников, оставивших пароход, в эпический подвиг по спасению челюскинцев. Все 104 человека, 2 месяца проведенных в условиях полярной зимы на льдине, были спасены. По иронии судьбы, именно на период впечатляющих успехов в освоении Арктики приходится период репрессий.

23–26 февраля

В Москве по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в антисоветской деятельности были расстреляны несколько десятков видных партийных, советских и военных руководителей, в том числе маршал А.И.Егоров, командарм 1-го ранга И.Ф.Федько, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В.Косарев. Казни состоялись перед окончанием репрессивной чистки правящей элиты в 1937–1938 гг., накануне съезда партии.

1944. 23 февраля

По постановлению Государственного комитета обороны «за пособничество фашистским оккупантам», подписанному Сталиным, была проведена высылка чеченцев и ингушей (более 478 тысяч человек) в Среднюю Азию.

1949. 21 февраля

В Ленинград прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Г.М.Маленков. Состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии, на котором Маленков обрушился с резкой критикой в адрес руководства вагара. Начало «Ленинградского дела», которое привело к полному разгрому руководства города и области, а также к арестам выходцев из Ленинграда в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР. Из всех депутатов от Ленинграда и Ленинградской области, выбранных в 1946 г. в Верховный Совет СССР, к следующим выборам на свободе остался один — поэт Николай Тихонов. Основной причиной репрессий стало опасение усиления власти политического и экономического руководства на местах и прихода его на смену существующему.

1954. 5 февраля

Вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из РСФСР в Украинскую ССР. Поводом для такого подарка

была объявлена круглая дата — 300-летие вхождения Украины в состав российского государства. Издание указа часто называют личной инициативой тесно связанного с Украиной Н.С.Хрущева (с 1938 г. был первым секретарем ЦК Компартии Украины, с 1947 г. — председателем Совмина республики).

1959. 5 февраля

В Москве закончился XXI съезд КПСС, на котором Н.С.Хрущев, ставший единоличным руководителем партии и правительства, провозгласил начало строительства в СССР коммунизма. В речи Хрущева на съезде карательным органам была дана установка на профилактическую работу, знаменовавшая окончание репрессивной кампании, начавшейся в конце 1956-го — начале 1957 г.

1964. 1 февраля

Генерал-майор советской армии Петр Григоренко был задержан органами КГБ в аэропорту Хабаровска, доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму КГБ. Началось следствие по обвинению Григоренко в создании подпольной организации «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Группа в 1962–1963 гг. распространяла на заводах Москвы и других городах СССР написанные Григоренко листовки с критикой советского руководства. В «Союз» входили сыновья генерала и несколько их друзей — студентов и офицеров.

1969. 19 февраля

Московский городской суд приговорил правозащитницу Ирину Белгородскую к 1 году лишения свободы в лагере общего режима за «измышления, порочащие советский строй». Белгородская, как она сама рассказывала, забыла в такси сумку, которая была доставлена в КГБ. В сумке были несколько десятков экземпля-

ров письма в защиту арестованного Анатолия Марченко, автора книги «Мои показания» — первых ярких воспоминаний о советских политических лагерях и тюрьмах хрущевского и брежневского периодов.

1984. 9 февраля

В Москве умер генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, многолетний глава КГБ Юрий Андропов. Он пробыл на посту генерального секретаря чуть больше года, за который ужесточились идеологический контроль и репрессии против инакомыслящих. Очередным вождем партии и государства был назначен престарелый и больной Константин Черненко. Апогей застоя.

1989. 15 февраля

Был завершен вывод советских войск из Афганистана. Территория страны служила в качестве «прослойки» между СССР и Пакистаном, политический режим которого во

многом курировали власти США. Пребывание ограниченного контингента советской армии продолжалось почти 10 лет, унесло жизни около 15 тысяч солдат и офицеров и сильно подорвало международный престиж СССР. Точное число погибших в войне афганцев неизвестно.

Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года о «моральном и политическом осуждении» решения советского руководства о вводе войск в Афганистан в 1979 году. Спустя почти 30 лет после вывода войск из Афганистана, данная оценка была официально пересмотрена Госдумой РФ

1994. 23 февраля

Государственная дума РФ приняла постановление о политической амнистии, прекратившей «дело ГКЧП» и дело о «Малой гражданской войне в Москве» 3–4 октября 1993 г. Вышли на свободу А.В.Рудкой, Р.И.Хасбулатов и их сторонники. Президент Б.Н.Ельцин инициировал договор «Об общественном согласии». Внутриполитический конфликт в октябре 1993 г. произошел вследствие конституционного кризиса. Результатом противостояния стало насильственное прекращение действия в России существовавшей с 1917 г. советской модели власти, сопровождавшееся вооруженными столкновениями на улицах Москвы и последующими действиями войск, в ходе которых погибло не менее 158 человек и 423 были ранены или получили иные телесные повреждения (из них 3 и 4 октября — 124 убитых, 348 раненых).

1919. 2–6 марта

В Москве состоялся учредительный конгресс III (коммунистического) Интернационала, провозгласивший своей целью скорейшую мировую коммунистическую рево-

люцию. Создававшийся для распространения мировой революции, он фактически был шпионско-разведывательной и пропагандистской сетью СССР за рубежом.

Просуществовав 24 года, Коминтерн был в 1943 г. распущен, а мировая революция так и не состоялась.

1924. 23 марта

При Объединенном государственном политическом управлении образовано Особое совещание для рассмотрения дел по «контрреволюционным преступлениям» в закрытом (то есть внесудебном) порядке. Органы административной юстиции просуществовали в СССР почти 30 лет — до сентября 1953 г.

В течение 30 лет людей заочно приговаривали к ссылкам, лагерям и даже некоторое время к смертной казни. Все жертвы заочной юстиции по политическим обвинениям по закону РФ от 18 октября 1991 г. подлежат реабилитации, точных дан-

ных о том, все ли реабилитированы, нет.

1939. 31 марта

Во Владимирской тюрьме умер Сергей Александрович Ефремов. Украинский ученый и общественный деятель, выступавший за идею украинской государственности, был приговорен в 1930 г. к 10 годам тюремного заключения как глава мифического «Союза освобождения Украины», якобы ставившего своей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма на Украине.

1944. 8 марта

Состоялось поголовное выселение балкарцев (около 40 тысяч человек), обвиненных в «измене Родине» в период немецкой оккупации, с Северного Кавказа в Казахскую и Киргизскую ССР по постановлению Государственного комитета обороны. По официальным данным НКВД к 24 марта, за 18 дней пути, в товарных вагонах, предназначенных для перевозки скота от голода, холода и болезней умерли 562 человека.

После выселения балкарцев передел «освободившейся» территории был осуществлен не столько в пользу ближайших соседей-кабардинцев, сколько по инициативе Л.П.Берия — в пользу Грузинской ССР. Позже, в мае, были депортированы другие жители республики — 2 тысячи кабардинцев.

1949. Март

В Эстонской ССР началась депортация раскулаченных крестьян — последствия установления советских порядков в сельском хозяйстве республики. Всего в районы Восточной Сибири были депортированы 7488 семей, 20 173 человека.

1964. 13 марта

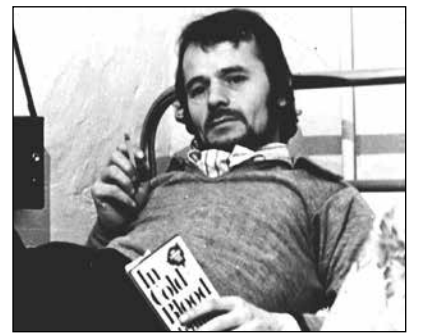
Дзержинский районный суд Ленинграда вынес приговор по обвинению в «антиобщественном паразитическом образе жизни» поэту Иосифу Бродскому — 5 лет ссылки с обязательным привлечением к труду. Первый политический процесс послесталинского времени, вызвавший заметную волну общественного протеста. На арест и суд над молодым и малоизвестным литератором совершенно неожиданно для власти откликнулись крупнейшие деятели советской культуры. Анна Ахматова, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Константин Паустовский, Дмитрий Шостакович дали для суда положительную характеристику творчества Бродского, а видные литературоведы Владимир Адмони и Ефим Эткинд выступили на суде в его защиту, высоко оценив его как поэта и переводчика. Запись суда над Бродским, сделанная писательницей Фридой Вигдоровой, стала одним из первых правозащитных документов Самиздата.

1969. 24 марта

В городе Юрмале был арестован бывший учитель и председатель колхоза Иван Антонович Яхимович по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. До ареста он участвовал в кампании протеста вокруг дела Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова, входил в кружок неомарксистской интеллигенции, сформировавшийся вокруг П.Г.Григоренко, выступал в защиту Пражской весны. Признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение по ст. 190–1 УК СССР «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

1974. 4–6 марта

В Орле состоялся процесс по делу Виктора Александровича Хаустова за распространение «Хроники текущих событий» и передачу информации для нее, размножение и отправку на Запад «Дневников» Эдуарда Кузнецова, заключенного лагеря особого режима, одного из осужденных по «самолетному делу». Группа «отказников» в июне 1970 г. захватила в ленинградском аэропорту «Пулков» самолет, летевший в Финляндию. Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов были приговорены к смертной казни, затем помилованы. По обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» Хаустов был приговорен к 4 годам лагеря и 2 годам ссылки.

1979. 6 марта

Очередной приговор лидеру Крымско-татарского национального движения за права крымских татар на территории Украины Мустафе Джемилеву. Октябрьский районный народный суд г. Ташкента приговорил его за «злостные нарушения правил административного надзора» (попытку выехать в Крым), а также за «антиобщественный паразитический образ жизни» к 4 годам ссылки. Джемилев отбывал срок в Якутской АССР.

1984. 13–14 марта

Украинский журналист, автор Самиздата, бывший политзаключенный Валерий Вениаминович Марченко был осужден киевским городским судом за публикации на Западе своих произведений («антисоветскую агитацию и пропаганду»). Тяжелобольной Марченко был приговорен к 10 годам колонии особого режима. 7 октября 1984 г. он умер в Ленинградской тюремной больнице.

1989. 26 марта

Прошли выборы народных депутатов СССР — первые относительно свободные за 70 лет советской власти. В некоторых союзных республиках (Латвия, Литва, Эстония, Молдавия) большинство получили кандидаты от оппозиции. В парламент страны вошли Андрей Сахаров, Дмитрий Лихачев, Алесь Адамович, Егор Яковлев.

1999. 25 марта

В автомобильной катастрофе близ с. Городищи (Киевская область, Украина) погиб Вячеслав Максимович Чорновил. Украинский журналист, шестидесятник, правозащитник, основатель и главный редактор подпольного украинского журнала «Украинский вестник», член Украинской Хельсинкской группы. Он был одним из инициаторов создания Украинского Хельсинкского союза. Несколько раз был заключен за «антисоветскую пропаганду» (1967–1969 гг., 1972–1979 гг., 1980–1988 гг.). Находился в мордовских лагерях строгого режима и в ссылке. Суммарно пробыл в неволе 17 лет.

На снимках: Вадим Делоне и Ирина Белгородская, 1971 г. Мустафа Джемилев. 1979 г. Фото из архивов Вадима Делоне и НИПЦ «Мемориал», Москва.

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера участвовали

Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельчева

Литературный редактор Ф.В.Шведовский

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 148 от 25.02.2019 г. (февраль – март 2019). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно